Irrehaare

Яцек Дукай

SHOUT
SHARE
IT

- Яцек Дукай
  -
  - 1. ПАЛЬЦЫ: УБИТЬ ЖАЛОСТЬ
  - 2. ВРАТА
  - 3. СТРАХ
  - 4. ИРРЕХААРЕ
  - 5. СМЕРТЬ В ИРРЕХААРЕ
  - 6. НА ГРАНИЦЕ
  - 7. МУЛЯЖ
  - 8. КРОВЬ МУЛЯЖА
  - 9. ИГРА
  - 10. САНТАНА И НАЗГУЛ
  - 11. РАЙ САНТАНЫ
  - 12. ВСЕВИДЯЩЕЕ ОКО: АЛЛАХ
  - 13. ЛЮБОВЬ В ИРРЕХААРЕ
  - 14. НЕ ТОЛЬКО АЛЛАХ
  - 15. ТУЧИ НАД РАЕМ
  - 16. ПОКИНУТЫЙ РАЙ
  - 17. СЛЕДОПЫТЫ
  - 18. ЛЮБОВЬ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ИРРЕХААРЕ
  - 19. В ОЖИДАНИИ
  - 20. ВИРУС
  - 21. САНТАНА НЕПОНЯТНЫЙ
  - 22. КАВАЛЕРР: УНИЖЕНИЕ
  - 23. МЕЖДУ ВЕРТИКАЛЯМИ
  - 24. АДРИАН И ЕРЛТВАХОВИЦИЧ
  - 25. ПОПЫТКИ ДЕЙСТВИЯ
  - 26. ЗАТЕРЯННЫЙ
  - 27. ЭСТРЕНЕИДА: АДРИАН
  - 28. ПО НАПРАВЛЕНИЮ К ВНЕШНЕЙ СТОРОНЕ
  - 29. 3682801637
  - 30. КРОВЬ В МЫСЛЯХ
  - 31. САМУРАЙ
  - 32. УБИЙСТВО
  - 33. УБИЙЦА
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

Яцек Дукай
Irrehaare

С моими глазами что-то не так; вроде и вижу ими, но как-то странно.

А они стоят надо мной и спорят. А тот, что вооружен, еще и пинает меня время от времени.

— А что, я хотел лезть во все это? Я?

— Не тарахти, не тарахти. Вполне возможно, что скоро придется закрыть всю вертикаль. И ты это сделаешь, потому что кто-то это делать обязан. И станешь больше уважать собственных людей. Понял?

— Да что ты мне тут, бля…

— Алекс! Сколько погибло, а? Сколько?

— Семеро…

— И это из полных двух десятков состава группы; одни ветераны из Оз. И так уже у всех шарика за ролики заходят. Или ты бандой психов хочешь командовать?

— Тоже мне, тактик нашелся, полководец великий; сам же нас загнал во все это, чтоб тебе Аллах… А, к чертовой матери!

— Ну и чего ты его так пинаешь, чего? Что это вообще за тип?

— Аномалия какая-то. Вот сам погляди, я его трижды уже… А он? Дышит, сукин сын.

Я вижу того, другого, безоружного, как он склоняется надо мной, присаживается на корточки, присматривается к моей груди, разорванной кривыми следами внутреннего поглощения, и к моему лицу.

— Ты считаешь, он меня видит?

— А я знаю? — пожимает плечами Алекс. — Наверняка, это еще одна штучка Самурая. С его коэффициентами…

Гражданский какое-то время молчит.

— А ну-ка засади ему всю обойму промеж глаз, — предлагает он с сомнением., — а там поглядим, что будет.

С моими мыслями происходит нечто странное; я вроде бы и размышляю, но как-то странно. И пускай засаживает, — сонно бормочу я, — пускай себе засаживает мне промеж глаз, и поглядим, что будет.

Я слышу какой-то лай, какое-то шипение — вроде песни, какие-то крики, бури, штормы, торнадо, вихри. А может — и тишину. Не знаю; мир удирает от меня, нечто странное происходит и с ним.

1. ПАЛЬЦЫ: УБИТЬ ЖАЛОСТЬ

Мы летели. Еще перед тем, как открыть веки, еще до того, как убрать из ушей тупой нажим белой тишины, я узнал это по вибрации, что пронзала все тело от холодного пола; так должна была дрожать вся машина. Мы все тряслись в синхронных конвульсиях — она, я, эти люди, голоса которых я постепенно начинал слышать.

— …семнадцать, повторяю: семнадцать…

— На восьмой *Стервятники*, в ключе.

— Пошли снаряды.

— Держитесь сзади, во Врата сходим камнем!

— Так это их автоматические истребители, а? Мать их за ногу…

— В этой вертикали должна иметься хоть какая-то зацепка, во всех остальных поставлены блокады передвижения, а тут они доходят до самой Чудесной Страны; парочку веков еще постоим на месте и… Блин…!

— Камикадзе, и в школу не ходить!

— Э, гляди, парень открывает глаза.

Мы летели. Я распознавал звуки, предметы, лица. Вот это вот: шум винтов вертолета; вот это: внутренности его кабины; а это вот: тот самый гражданский, который почти приговорил меня к смерти, которая так и не наступила, окруженный усталыми, перемазанными кровью и пеплом солдатами. Я валялся голым на полу, откуда все казалось каким-то гротескным, перерисованным, чуть ли не сюрреалистичным, даже направленный на меня неким китайцем в рваном противоосколочном жилете ствол неуклюжего оружия, словно сросшегося с его предплечьем — даже отблеск его шершавой глади, зловещая точность объединения в этот фетиш уничтожения металлических и неметаллических краев, изгибов и выпуклостей — все это казалось мне болезненным извращением реальности. Когда мне захотелось поднять руку, ну, и когда я поднял и осмотрел ее — и это была действительно рука, моя рука — я чуть ли не удивился, ожидая, что и сам превращусь в подобного рода карикатуру.

Гражданский взял у кого-то из солдат нож, наступил своей ногой мне на ладонь, склонился и отвел в бок мой указательный палец. Вертолетом все время бросало из стороны в сторону; если бы не ремни безопасности, гражданский наверняка бы вылетел с сидения. Меня никто ремнями не пристегивал, так что я все время катался туда-сюда по полу. Солдаты пинками отбрасывали меня в центр. Я пытался усесться, за что-нибудь схватиться — но

меня все время сбивали.

Гражданский отрубил мне указательный и средний палец, затем, надрезав безымянный, придержал нож.

— Кто ты такой? — спросил он, когда я уже перестал вопить; отрезанные пальцы перекатывались на покрасневшем металле.

В ответ меня начало рвать. Тогда он отрубил мне безымянный палец, а заодно и мизинец, после чего схватил за большой. Я все время скользил по стальным плитам — это из-за крови.

— Кто ты? — спросил тот еще раз.

Я постарался удержать рвоту, даже вдохнул, но ответить не успел, потому что вертолет резко ухнул вниз, у гражданского дернуло руку, и, несмотря на сопротивление кости, он мне отрезал и большой палец.

— А теперь отшманай ему еще и яйца, — ворча, посоветовал негр, занятый сражением с застежкой своих ремней.

— Я… — начал было я на вдохе.

— Ну? — склонился надо мной гражданский.

Этот нож…

— Я… — Честное слово, я хотел ему ответить, только мне неожиданно перестало хватать слов, язык не знал, какие гласные артикулировать; меня заклинило на средине предложения, которое было в голове уже почти что составлено: до меня дошло, что я не знаю собственного имени. Имени, фамилии, возраста, прошлого. Более того, я и настоящего не знаю. Разум тут же начал генерировать каскады вопросов. Где я? Что происходит? Кто эти люди? Почему я не помню ни их, ни себя?

Страх.

В моей собственной крови. Я все жевал и пережевывал воздух.

Гражданский вновь склонился надо мной. Нож. Пальцы.

Я потерял сознание.

2. ВРАТА

Он бил меня по лицу, пока мои губы не лопнули; но в себя я пришел чуть раньше.

Жарко; солнце слепит даже сквозь розовую мглу стиснутых век. Я лежу на чем-то мягком, нечто мягкое меня прикрывает. Все тело горит, вопит каждый нерв, само существование — это пытка.

— Давай же, парень, просыпайся. Черт, нет сейчас времени на то, чтобы терять сознание.

Это голос моего палача.

Ну уж нет, не открою я глаз.

Я колыхался в такт стуку и скрипу телеги. Сухой воздух жег мне горло, во рту ни капельки слюны, язык опух. Я слышал какие-то отдаленные разговоры, призывы. Я понятия не имел, сколько времени прошло после того, как я пришел в себя в вертолете — наверняка много.

— Нечего симулировать, я же знаю, что ты пришел в себя. Скоро перейдем, постарайся вновь не сомлеть.

Куда, куда мы перейдем?

Я поднял голову и начал выкапываться из-под покрытия; где-то посредине этих действий я невольно открыл глаза. Степь, пустыня. Ходящий волнами над горизонтом воздух. Не одно, а целых четыре одинаковых солнца, ярко пылающих на желто-зеленом небосклоне. Наш караван как раз проезжал мимо рощицы рахитичных кактусов — во всяком случае, растений, похожих на кактусы. Караван: две телеги, запряженных мулами, более десятка закутанных в поношенные черные *галабии* всадников, вооруженных деревянными, длинноствольными ружьями, булатными саблями и зловеще искривленными ножами, окружали нас плотным кордоном. Они непрерывно поворачивались в своих седлах, высматривая чего-то сзади. В первой телеге, в нескольких метрах передо мной, беспомощно подрыгивали на выбоинах три тела: настолько тяжело раненные, что теперь лежали без сознания, а может, просто трупы. На второй телеге, помимо меня, находился лишь мой палач, гражданский, который и теперь оставался единственным невооруженным человеком. В отличие от эскорта, одет он был богато и живописно, его темные волосы скрыты под белым тюрбаном. Возможно, я бы и не узнал его, если бы, как только открыл глаза, не услышал его голос.

Высоко над нами кружило некое, похожее на стервятника создание.

Да, да, меня он тоже беспокоит, — заговорил палач,

проследив за моим взглядом. — Если Самурай нарушил еще и этот принцип… Тяжко будет.

Все мое тело горело. Подняв из-под одеяла правую руку, я увидал кровавые остатки собственной ладони — исходящая из нее боль не была нисколечки не сильнее того монотонного страдания, в которое был погружен весь организм.

Темноволосый опустил взгляд, его заинтересовало что-то спереди.

— Еще пара минут, буркнул он.

«До чего?» — хотелось мне спросить. Пара минут — и что, что произойдет? Но не спросил, мой голос тоже присох. Я только захрипел.

— Sorry за то, в вертолете, — пробормотал мой сосед, всматриваясь в нечто за мной. Понимаешь, ты не идентифицированный.

Я не понимал.

Впереди произошло какое-то замешательство. Кто-то чего-то кричал, указывая на что-то поднятым ружьем. К нему подъехали еще два всадника, в одном из них, когда он обернулся, я узнал Алекса. Телеги замедлили ход. Эскорт растянулся длинной змеей.

Темноволосый быстро осмотрелся по сторонам.

— Уже входим, сказал он, указывая движением подбородка перед собой, где я видел лишь испеченную дотемна равнину степи.

Он что-то промычал под нос, пропел какую-то фразу, поискал под широким багряным шарфом, которым был перепоясан и вытащил небольшую белую палочку. Он поднял ее к небу, целясь в то, что безустанно парило над нами.

— Не хватало только, чтобы эта уродина перешла за нами вторые Врата, — вновь буркнул он.

Я подтянулся и попытался сесть. Чтобы подпереться, мне не хватило правой руки — в конце концов, я все равно оперся на культе, боль просто не могла быть большей. Из-за нее мною сотрясали быстрые конвульсии, сердце билось в самоубийственном спринте, перед глазами все растекалось. Но в том, что увидел, я был уверен: птица исчезла. Не расплылась, не размазалась, не слилась с фоном — просто исчезла.

Маг опустил палочку.

— Сукин сын, — просопел он и спрятал ее в рукав.

Какое-то движение на периферии взгляда. Я повернул голову.

Алекс вместе с двумя другими всадниками — они дематериализовались.

Их дематериализация не имела ничего общего с исчезновением стервятника. Собственно, это даже не было

дематериализацией, скорее засасывание, развертывание сплетения реальности. Поначалу я отметил в них странное смягчение контуров: разгладились все острые углы и резкие переломы очертаний их фигур. Краски сделались ненасыщенными, блеклыми; всадники и лошади сплющились, куда-то потерялось их третье измерение, перспектива свернулась. Затем краски, совершенно затертые, начали с них сползать — поначалу образуя лишь рваные, волнистые ауры, а потом и эти ореолы стянулись, закружили и выплыли вперед, как будто бы их сдул некий ветер. А потом там — перед нами — должен был присутствовать какой-то воздушный магический вихрь; мягкие полосы бледных красок исчезали в нем, как будто бы всасываемые силами давления или гравитации, они исчезали на моих глазах: их пожирало некое невидимое чудище. Его пасть находилась несколько левее Алекса, метрах в четырех над землей. Процесс ускорялся. Всадники и животные, разбитые на световые полосы с различной длиной волны, въезжали, словно по радуге, по собственным всасываемым краскам в те самые Врата, которые, похоже, не был в состоянии увидеть один лишь я. Перемещение переходящих сквозь них происходило от краев силуэтов к их центрам. Алекс, очутившись практически под пастью, теперь был всего лишь бесформенным и небольшим черным пятном ткани задней части собственной галабии — еще шажок уже несуществующего жеребца, и расплылось и оно. Через мгновение сквозь Врата прошли товарищи Алекса; исчезли их радужные ореолы, исчезли они сами.

Я был уверен, что все это длилось минут пять, не меньше, но, глянув на отрезок дороги, которую за это время преодолела телега, уменьшил этот период до пары десятков секунд.

Дематериализовались следующие всадники. Я заметил, что перед тем, как въехать в зону перехода, они разгоняют лошадей до рыси — может, они хотят как можно скорее иметь весь процесс за собой, но — может — просто предохраняются перед тем, чтобы перепуганные животные не сбились с пути. Не больно ли это? А прежде всего — не являются ли по сути эти Врата вратами смерти?

У меня уже не было сил удерживаться в сидячем положении; руки подо мной подломились, и я упал навзничь. В самый последний момент в моих глазах отразился образ первой повозки. Уже лежа, я начал размышлять над очередным чудом, а может — очередной иллюзией: на телеге не хватало третьего тела.

Даже если бы его кто-нибудь стащил, даже если бы — воскреснув — оно само сошло на землю, я должен был это заметить. Опять же, первая телега находилась еще слишком

далеко, чтобы до нее доставала сила стиравшего все краски вихря.

Нет, уж лучше не обращать внимания на весь этот свет.

Я тяжело дышал, боль и испуг пленяли воздух в груди.

— Спокойно, — пробормотал маг.

Колеса стучали, вздымая с покрытой песком поверхности тракта бурые облака мелкой, душащей пыли.

Мы подъехали к Вратам так близко, что даже не поднимая головы, я видел радугу первой телеги.

Через мгновение она погасла.

Теперь наша очередь, панически размышлял я. Ну почему я так боюсь, это ведь не может быть страшным, для них это самая обычная вещь, только я, один я перепуган; что происходит, где я, кто я такой, зачем он отрубил мне пальцы, ничего не понимаю; возможно, я сошел с ума; о Боже, мы уже… въезжаем…

Радуга поглотила меня и выплюнула в сырой полумрак пещеры.

Нет, это была не пещера. Повозка уже не была повозкой. Маг не был магом. Я и сам не был собой. У меня ничего не болело. В голове ни единой мысли.

Громадные врата в сияние.

Темноволосый поднял руку и коснулся моего распаленного лба.

— Спи, — тихо сказал он.

И я заснул.

3. СТРАХ

Мясо молодого карибу — только одно оно так пахнет.

Какой же я был голодный! Не прошло и четверти часа, а я сожрал целый окорок. Лишь потом, неизвестно откуда выклюнувшись, возникло подозрение — а не отравлено ли, часом, это мясо. Для чего его следовало отравлять? Это просто, это правило я уже успел познать — чтобы доставить мне боль. Хотя и с законом страдания не все мне было ясно. У него имелась другая сторона, которой я не понимал. У меня ведь отросли пальцы. От шрамов не осталось даже следа. Очнувшись этим свежим утром возле этого костра, слопав этот медленно зажаривавшийся окорок, выкупавшись в ручье — я чувствовал себя словно новорожденный. Ужас минувшего дня поблек в моей памяти, словно одежды проходящих через Врата. И я усомнился в законе.

Я вскарабкался на вершину холма, на не крутом южном склоне которого проснулся. Прохладный ветер развевал мои волосы. Хотя на синем небе не было ни облачка, да и солнце стояло высоко, жара здесь не царила; тут вам не пустыня. Придется поискать какую-нибудь одежду, подумалось мне.

С этого холма я видел всю долину. Вплоть до острых скал перевала ее покрывала пуща: плотно сбитая, темная, душная уже из-за самой густоты зеленой шубы. Поляна, на которой я находился, представляла собой единственную дыру на волнистой поверхности дикого леса.

С противоположной относительно ручья стороны холма высились башни. Их было шесть; они стояли в гексагональном порядке, погруженные в сырой тени, столь милой для камней, из которых их построили, отделенные от пущи полосой низких зарослей в несколько десятков метров шириной. Башни, хотя существенно различались по размеру, сохраняли однообразные пропорции, и, благодаря этим своим неестественным пропорциям — особенно самая высокая — сохраняли тупую, массивную приземистость, которая делала их похожими на средневековые донжоны. Не спеша, я прошелся к башням, прикоснулся к каменным стенам. те излучали холод собора, испотевали холодными слезами; попросту, были мокрыми. По щиколотки я западал в размокшей земле. Башни вырастали просто из болота. Я обошел их по кругу. В каждой башне имелась пара симметрично расположенных ворот: одни направленные в средину шестиугольника, а другие — наружу. Это были могучие, грубо кованные железные плоскости, плотно замкнутые, на ощупь — холодные словно лед.

Лет двести-триста, оценил я. Исторический памятник. И для чего эти башни могли служить? Ведь не хватает контрфорсов, выступов, попросту нет окон, щелей для лучников… Странно.

Все здесь странное, чужое, по сравнению с памятью о забытой нормальности; мир странный, я странный…

Вернувшись к уже угасавшему постепенно костру, я застал там индейца. Длинные, пропитанные жиром черные волосы, леггинсы из коричневой кожи, мокасины, амулеты, вонь. Потом он обернулся, и я узнал своего палача, хотя его метаморфоза не ограничилась только лишь одеждой: лицо у него похудело, кожа потемнела, выделились скулы, нос сузился, а волосы удлинились.

Индеец улыбнулся мне, парой движений ног засыпал костер и присел на земле.

В этот момент я не знал, то ли бросить в него камнем, то ли сбежать в лес, а может, точно так же, как и он сам, спокойно присесть у ручья. Или же начать выть экзорцизмы. Либо просто сойти с ума.

Но ведь во сне я бы не чувствовал осклизлого прикосновения червяка, ползущего по моей щиколотке.

— Поговорим, — сказал индеец.

А я боялся ответить.

— Поговорим, — повторил он. — Ведь Самурай выслал тебя именно за этим, правда? Чтобы поговорить.

Я уселся подальше от него, но все же выше, по причине склона.

— Кто ты такой? — спросил я, и тут же мне пришло в голову, что это те же самые слова, которыми он сам приукрашал пытки в вертолете. Меня переполняла горькая уверенность в совершенной ошибке. Ошибкой будет все, чтобы я ни сказал; лишь совершенно случайно я мог бы выиграть в игре, правил которой не знаю.

— Обо мне ты мог слышать как о Черном Сантане.

— Нет… не слышал.

Его это несколько удивило.

— Что же. Тем не менее, придется тебе удовлетвориться именно этим. Посмотрим, что выйдет из этих разговоров, — тут он снова усмехнулся. — Правда такова, что никому другому это не пришло в голову, тебя хотели где-то заблокировать. Только ведь Самурай — это хитрая бестия, ты, впрочем, знаешь об этом лучше.

Я тупо глянул на него.

— Не знаю, — буркнул я. — Не знаю. Ничего не знаю.

— Как же, как же…

— Я даже не знаю, кто я такой! — сорвался я в иррациональном раздражении. — Можешь отрубить мне все

пальцы — я даже имени своего не знаю! Ничего, абсолютно ничего! Боже, я ничего не помню! Что со мной происходит, почему… — я подавил крик, видя насмешливый, ожидающий взгляд Сантаны. Я отвернул от него голову. До некоторой степени эта моя вспышка была отрежиссирована, мне хотелось махнуть на все рукой, сбросить с себя ответственность — если он меня сейчас убьет, то и лучше. Отчаянные — это просто смертельно перепуганные люди.

Сантана долго, очень долго переваривал мои слова. Он рисовал что-то пальцем в золе, глядел в небо, морщил брови.

— Я следил за тобой, — наконец сказал он. — Во время еды ты плакал. К веревкам присматривался так, будто видел их впервые в жизни. Меня боишься.

Я его боялся.

— Но ведь все это может быть прикрытием, — вопросительно зыркнул он на меня. — С другой стороны, если ты настолько оригинальный случай, то ничего нельзя исключить. Выходит, ты ничего не помнишь, так?

— Я помню, что в меня кто-то стрелял. Потом ты приказал меня добить.

Он кивнул.

— А вот что было раньше — ничего, — прибавил я.

— Это была атака на расположение Самурая в военном Конго на Красной вертикали. Ты вышел там голый, прямо под наши стволы. И должен был погибнуть. Но не погиб. Это меня заинтересовало. Я тебя забрал. Чисто из глупости, потом хотел выбросить тебя из вертолета. Как-то так вышло, что не успел. Даже сам не знаю. А ты, без сознания, прошел через Врата. Алекс утверждает, будто ты — шпион новой генерации, что это Самурай так перепрошил — сделал неидентифицируемым, муляжом. И я даже склонен признать его правоту.

— Я не понимаю, о чем ты, — пробормотал я.

— Существует еще и третья возможность, — продолжил Сантана. — Ныряльщик; ты у нас ныряльщик. Или же вампир, нанятый Вандерлендом. Или же ты работаешь на правительство. А может, у тебя обратная прививка, хотя, по правде, даже не знаю, чтобы мог дать подобного рода риск, да и никто не знает. Сама по себе, ни одна из этих возможностей амнезии не исключает.

— Не понимаю.

— Но ведь всей памяти тебе не вычистили. Что, не знаешь, кто такой ныряльщик?

— Ну, такой тип, с аквалангом…

Мой собеседник расхохотался.

— А вампир — это зубастый кровопийца аристократического

происхождения с чувствительной к ультрафиолету кожей? Только не перегибай палку. Ну а самолет? Автомобиль? Ярль? Сыоник?

Я не знал лишь последнего, сыоника, но индеец, вместо того, чтобы объяснить, снова расхохотался.

— Нет, я и вправду не знаю, что о тебе думать!

И все равно, он был в лучшей ситуации, я вообще не знал, что думать о собственных мыслях.

— Итак, ты утверждаешь, будто ничего не помнишь. Так что бессмысленным было бы тебя спрашивать, почему тебя невозможно идентифицировать, и почему ты бессмертный, правда? Шустро. Ну а людей ты, по крайней мере, различаешь?

— То есть, как…?

— Ты можешь узнать, что ты являешься человеком?

— Я не слепой.

Сантана вздохнул.

— Прикрой какой-нибудь глаз, — терпеливо начал он меня учить.

Я прикрыл левый.

— И как? — давил он. — Различаешь?

— Не понимаю. — Меня и самого начинало раздражать постоянное возвращение к этому вопросу. — Я все вижу таким же самым.

Тот подозрительно глядел на меня. По-моему, он мне не верил.

— Иррехааре, идиот, Иррехааре. Что? Этого тоже не знаем?

Я не ответил. Сантана становился все более раздраженным.

— Не скажешь же ты, будто не помнишь даже момента слепачения?

— Чего? — слабым голосом спросил я.

Глаза Сантаны сделались мрачными. Он поднялся, метнул в сторону леса какое-то полено. Я тоже вскочил, из осторожности отступив на пару шагов. Тот гневно, чуть ли не обвиняюще, поглядел на меня.

— Выходит, что? — рявкнул он. — Для тебя это реальный мир? Тебе и вправду кажется, будто бы тот, кем себя видишь?

В моих глазах он должен был прочесть отчаяние, поэтому подавил свою злость, умолк.

— Сантана? — прошептал я.

Но он услышал.

— Мммм?

— Где я?

4. ИРРЕХААРЕ

Ну, и он мне сказал.

— Знаешь, что такое прививка?

— Конечно, — кивнул я; каждое новое слово открывало у меня в голове очередную дверь. — Мозговой имплантант, считывающий и записывающий импульсы непосредственно в нервы коры мозга, дистанционно сопряженный с многофункциональной компьютерной системой; он применяется повсюду по причине…

— Можешь не декламировать полные определения, — раздраженно перебил меня он.

— Я говорю и сразу же вспоминаю, — объяснялся я. — Я же не помню, чего забыл.

Сантана вел меня по тенистому, парящему густому лесу, по тропке, видимой ему одному. Нас заносило то в песчаные яры, то в русла мелких проток, то в естественные просеки в дикой гуще деревьев. Я слышал голоса животных, краем глаза замечал их осторожные перемещения, всегда за толстым занавесом зелени.

— Так что ты должен знать, что прививка применяется еще и для слепацкой релаксации: блокирование всех чувств и построение, в соответствии с записанными в Аллаха алгоритмами, искусственных комплексов возбудителей, творящих новую реальность? Что? — неужто ты никогда не слыхал про виртуальных наркоманов, зависимых, слепаков, которые уже не могут жить вне выдуманных программистами миров, про целые кварталы, занятые валяющимися без сознания полутрупами, про нелегальные частные клиники, которые поддерживают их жизненные функции, про вампиров, которые из садистских побуждений, уничтожают им эти миры изнутри, про…

— Помню, помню! — Десятки дверей открывались, одни за другими, возвращалось знание настоящего; вот только прошлое, мое прошлое, все еще оставалось тайной. — Я знаю слова. Понятия не имею, где я их услышал, где и когда обо всем этом узнал. Но слова я знаю. Только слова.

Сантана послал мне через плечо взгляд искоса.

— Чтобы тебе все было ясно: я считаю, что ты врешь.

Эти его слова больно укололи меня, хотя, вроде бы, и не должны были.

— С этим ничего поделать не могу, — буркнул я в ответ. В мыслях все также продолжали крутиться образы моих отрезанных пальцев, перекатывающихся в густой крови по металлическому полу вертолета. Тело — это святое.

— Фирма программного обеспечения «Иррехааре», одна из компаний «Ицуи», — продолжил Сантана, — монополизировала рынок релаксационных программ для Аллаха; это миллиарды. Днем со свечой нужно искать такого человека, который хотя бы раз не попробовал усесться в кресле и перенестись в самое сердце джунглей в поход с доктором Ливингстоном, за пять минут рабочего перерыва провести ночь с прекраснейшей в мире женщиной. Именно таким образом мы сюда и попали. Все мы были на более или менее длительном слепачении в фантасмагорических странах Иррехааре, когда у Аллаха что-то там перещелкнуло в программе. Мы не можем выбраться отсюда, вновь обрести сознание, выйти из слепачения. У него все шарики зашли за ролики. У него появились проходы между различными видениями, по ним шастают какие-то вирусы, сам же Аллах взял на себя роль предназначения, судьбы, рока, Господа Бога. Мы пленены в собственных, управляемых компьютером мыслях.

Я понимал его слова, только не понимал их значения.

— То есть, как это, плененные в мыслях? Это значит…

Сантана остановился.

— Где ты находишься на самом деле — это знаешь только ты, я тебе сказать этого не смогу; наверняка лежишь в кровати у себя дома, в Пекине, Бейруте, Иоганнесбурге, Атланте или Москве. Не скажу я тебе и того, как ты на самом деле выглядишь; говоря по правде, я и сам уже подзабыл собственную внешность. Это тело, которое — посредством которого — я чувствую, это всего лишь выбранное мной для игры действующее лицо, из которого теперь я не могу освободиться. Короче, я мало чего могу тебе сказать; реальность миров Иррехааре изнутри верифицировать нельзя по самому принципу. Исключая, ясное дело, память.

— И сколько времени это уже длится?

— А я откуда могу знать? Время тоже является штукой относительной. Впрочем, не только в вертикалях — в отдельных мирах оно тоже течет иначе. Здесь — а это Канада перед нашествием белых — от момента замыкания прошло около четырехсот лет. В действительности же это может продолжаться неделю. Потому-то я и считал, будто ты ныряльщик; самое время, чтобы сюда выслали кого-нибудь, кто бы все раскрутил. А после замыкания никто новый в слепачество уже не вошел. Ты был первый.

— Кто такой Самурай?

Вздохнув, Сантана оперся о дерево; я видел толстенную, с мою руку, серую змею, лениво ползущую по ветке.

— Часть из наших предполагает, что все это произошло по его вине: все пошло наперекосяк с момента его вхождения. Скорее

всего, он воспользовался какими-то хакерскими программами. Он создал для себя персонаж, не предусмотренный алгоритмами Иррехааре, явно нарушил сотни правил и принципов, выбрав для себя из реестров самые высокие показатели и коэффициенты. Это совершенно трахнутый тип, некий нереализовавшийся районный Сталин, который задумал приобрести для себя империю в электронном сне, потому что не был настолько умным, чтобы построить ее наяву. Только, говоря честно, никто понятия не имеет, каким же чудом он это совершил; это должен быть какой-то мегафокус…

— Вы ведете с ним войну?

Черный скривился.

— Теоретически, сейчас перемирие. Самурай овладел более чем десятком полных вертикалей. Не говоря уже о подчиненных лично ему игроках, в каждом из покоренных миров он имеет целые армии воинов-манекенов, там везде он абсолютный повелитель: Сёгун, Император, Президент, Карл Великий, Чингиз-хан, что хочешь. Не оборачивайся.

5. СМЕРТЬ В ИРРЕХААРЕ

Это были индейцы из племени, которое считало Сантану неким великим шаманом; а что сделать, чтобы они думали о человеке, который — все время в одном и том же виде, не старея — посещает их каждые десять с лишним лет вот уже несколько веков, творит чудеса, и его никак не удается до конца убить. Неподвижные лица, темные волосы, собранные в хищные чубы; худощавые, покрытые мышцами тела. Они окружили нас, когда мы сердечно болтали в самом сердце дикой пущи. Стрелы на тетивах и готовые к удару копья — были нацелены, в основном, в меня. Сантана резко, высоко заскрежетал что-то по-ихнему. Те опустили оружие.

В деревушке — вонючем скопище куполообразных вигвамов посреди леса — нас приветствовали в соответствии с каким-то непонятным, нудным ритуалом, по ходу которого мы были вынуждены есть горячее, истекающее жиром собачье мясо, нас размалевали густыми красками в животные узоры. В качестве дополнения, Сантана протанцевал сложный танец и провозгласил певучую речь. Потом, в течение всей ночи, он лечил больных, благословил умерших и еще не рожденных, а также проследил за обрядом инициации юношей.

На рассвете мы выплыли на выпрошенном им каноэ. Помимо этого — в виде подарка от кургузого, одноглазого вождя — Сантана получил для меня одежду и оружие: огромный лук с наполненным стрелами колчаном, ножи, томагавк. Все наконечники и лезвия были сделаны из бронзы. Поскольку я был уверен — если вообще можно было быть хоть в чем-то уверенным — что никогда в жизни не держал в руках лука, но я сомневался и в собственном умении метать ножи и топорики, то даже и не пытался выдавать себя за воина. Сантана был моим проводником, защитником, единственным судьей, единственным приятелем и врагом, я был полностью от него зависим. Лишенный памяти, я находился даже в еще худшей ситуации, чем новорожденный, поскольку на малое дитя даже не был похож.

Мы плыли к расположенному на берегу Атлантического океана шестиугольнику Врат, откуда должны были начать рейд через поздние миры к оси вертикали, захваченной противниками Самурая — в их подземный город, расположенный в километре под поверхностью Меркурия, на его темной стороне. Это была одна из немногих вертикалей с историческим профилем, относительно близким современности — утверждал Черный — которая не была завоевана Самураем. Император сейчас обладал

властью в практически всех поздних и футурологических вертикалях, где были снесены блокады прогресса, и откуда он мог достичь территорий, не предусмотренных в программе Аллаха.

По все более широким ручьям мы сплавились к реке. С ее течением мы повернули на восток; стоял сентябрь, а может и октябрь; теплыми вечерами расползшееся над горизонтом алым пожаром солнце окрашивало реку перед нами в пастельно-розовые тона. Наше каноэ тихо разрезало гладь воды, лес над нами сонно шуршал, река пахла молодостью и безвременьем. Я видел песчаное дно, видел проносившиеся над ним серебристо-зеленые тела рыб. Сантана ловил их голыми руками, хватая под жабры и выбрасывая на берег.

— Это очень быстрый мир, я часто здесь отдыхаю, — объяснял он на одной из стоянок, на камышовом островке, свои умения и знания местных реалий. — После последней смерти я прожил здесь несколько десятков лет.

— Последней смерти…?

— А ты как думаешь? Даже через смерть нельзя освободиться из-под власти Аллаха. Твое «тело» исчезает — и ты просто-напросто воскресаешь в месте старта своего персонажа, целый и здоровый, с полным, предусмотренным в сценарии игры начальным снаряжением.

— То есть, вы не должны…

— …бояться? — Сантана передвинул полено поближе к средине костра и саркастически усмехнулся. — Во-первых, ты не в состоянии изменить свое стартовое место. Оно приписано персонажу, который ты выбрал, входя в слепачество, и даже Самурай ничего не может нахимичить в этом правиле. Впрочем, он бы и так этого не сделал, оно для него весьма полезно: ведь он уже захватил большинство миров, и множество его умерших врагов, воскресает на его территории, а вот уже оттуда выбраться тяжеловато. Я знаю, поскольку сам приписан к храму Акубы в Хастхеме, это в вертикали «*Фэнтези Один* ". Мне чудом удалось сбежать; Большой Лабиринт подземелий твердыни Самурая в Алгонтоте переполнен игроками, которые, не имея возможности совершить самоубийство, даже не имея возможности умереть с голоду или из-за того, что откусили язык, веками испытывают чудовищные муки от рук созданных Самураем животных-палачей. Во-вторых, даже если тебе посчастливилось воскреснуть в свободном мире, саму по себе смерть удовольствием никак не назовешь. Не знаю, каким чудом Самурай добрался до программ Аллаха, в любом случае — алгоритм смерти там. А что может знать компьютер о смерти? Оказывается, что все. Умирая, ты испытываешь все настолько же реально, как и вкус этой рыбы. В

этом отрезке секунды между исчезновением и появлением наново в месте старта — в этом обломке секунды замкнута вся вселенная. Не знаю, как это описать. Ты ее пожираешь. Ассимилируешь. Это как бы наркотический осмос всяческого бита информации из памяти Аллаха в собственный разум. Только еще более страшен тот момент… момент, словно рубящий удар мечом — в котором прерывается пуповина, соединяющая тебя с системой; это самая настоящая смерть, более правдивой и не представить, во всяком случае, нам она такой кажется. И ты рождаешься на свет с криком, рождаешься безумным. Со временем это проходит, ты приходишь в себя, потихоньку восстанавливаешь психическое равновесие. Только с каждым разом это происходит все хуже. Эффект куммулируется. Я умирал четырехкратно. На нынешний момент, это очень среднее число смертей. Хотя, например, Самурай, не умирал еще ни разу. Люди, которые погибали уже раз десять-пятнадцать, сейчас превратились в живые трупы. Они сумасшедшие. Впрочем, норм здесь никаких нет. Особо впечатлительные не выдерживают уже даже первой смерти. Но я знаю одного такого Конана, который подыхал уже двадцать с лишним раз, но это его никак не трогает — тупица полная. А мне после четвертой смерти пришлось отдыхать здесь лет тридцать; это спокойный мир. Что самое главное — время здесь течет очень быстро, даже если провести в этих лесах полвека, то я не слишком отстаю от остальных.

Да, бывали такие дни, когда Сантана, хотя, практически, и непрошеный, начинал объяснять мне непонятные мне сложные зависимости существования Иррехааре в его нынешнем состоянии; правда, все эти объяснения были удивительно туманными и путаными. Сантана частенько прерывал их, после чего ожидал моей реакции. Я понял, что таким образом он проводит на мне тесты; видимо, он просто не мог сдержаться. Но чаще всего он молчал или же слишком коротко отвечал на наиболее дотошные мои расспросы, как будто бы опасаясь выдать какую-то тайну.

Эффект этой странной тактики Черного был таким, что, несмотря на проведенные с ним в здешней глуши несколько месяцев, я не смог вытянуть из него больше, чем пары ответов на самые общие вопросы и сотни уклончивых бормотаний, которыми он с трудом закрывал себе рот — Сантана, все же, любил поболтать.

Он до сих пор считал будто не верит мне и не щадил въедливых замечаний относительно предполагаемой моей амнезии — только по его взглядам и жестам я видел, что шпионом, грозным противником он меня уже не считает. После

этого ему пришло в голову присвоить мне какое-нибудь имя. Кроме имен «Сантана, Алекс и Конан», никаких других имен я не помнил, пока он не начал перечислять их в алфавитном порядке — и тогда каждое из них показалось мне таким же знакомым. В конце концов, про себя я выбрал имя Адриан. Мне казалось, что это его удовлетворит. Только Сантана в этимологии этого имени начал доискиваться скрытых мотивов моего выбора. Что ни говори, но мой спутник был интеллигентным и хитрым. До такой степени, что иногда казался полным кретином.

6. НА ГРАНИЦЕ

К холму шестиугольника на побережье Атлантики мы добрались с началом зимы.

Вершины каменных башен я заметил еще с излучины реки. Каноэ мы бросили на ее берегу — к Башням вскарабкались с пустыми руками, если не считать ножей за поясом.

— Не привязывайся к предметам, — начал поучать меня как-то раз Сантана. — Все равно, с каждым переходом ты их теряешь. Даже твое тело немного изменяется, чтобы подстроиться к новым реалиям. Такие метаморфозы бывают полезными, но чаще всего отрицательно влияют на психику путешественника, особенно это относится к женщинам.

И здесь тоже, хотя башни занимали вершину холма (что показалось мне непрактичным с инженерной точки зрения решением, только, видимо, строители смотрели на это совершенно иначе), почва была подмокшей. Завязнув чуть ли не по щиколотки, Сантана подошел к одной из башен поменьше, остановился у внешних ворот и начал с чем-то манипулировать. Через мгновение где-то в глубине раздался шум. Сантана спускал воду, которой заполнены башни пограничных миров доминиона врагов Самурая — так они предохраняются перед неожиданным вторжением: через Врата нельзя пройти, если их что-нибудь блокирует. В данном случае, башня скрывала Врата, ведущие к самому центру вертикали, но принцип оставался принципом. Имелось три свободных, тщательно контролируемых перехода из пограничных миров, через которые могли возвращаться умершие — хотя, как судил Сантана, их тоже планировали закрыть.

Шум затих. Сантана переждал еще пару минут, после чего оттянул левое крыло ворот. Я понятия не имел как он открыл их, я не заметил в воротах какого-либо замка, отверстия для ключа (впрочем, я не видел у Сантаны какого-то ключа) или щелей — башни попросту герметичные.

Изнутри повеяло пещерным холодом и сыростью; как-то резко вспомнилось подобное впечатление двухмесячной давности. Мы вошли вовнутрь. Сантана грохнул воротами, закрывая их за собой; что-то треснуло, что-то щелкнуло, сделалось темно. И вновь я услышал тот же самый шум. Теперь он был очень сильным, в его быстром ритме дрожал пол, вибрировали стены. Вода. Она дошла до щиколоток и стала подниматься еще выше. Сантана схватил меня за руку и потянул вперед. Он видел Врата, а я — нет. Теперь мы брели по вспененному потоку. В этой темени даже радугу перехода было

невозможно заметить. Вместе с водой во мне начал вздыматься страх — страх перед медленной, бесконечной возможностью утонуть в каменном мраке; я же помнил заявление Алекса, что меня невозможно убить. Сантана упорно двигался вперед. Вода поднялась уже до моих бедер.

Я начал что-то быстро-быстро говорить, он крикнул, чтобы я заткнулся, в ответ я крикнул на него…

Мы были в Лондоне.

7. МУЛЯЖ

Лондон девятнадцатого века в большей своей части представлял собой одну громадную свалку. Знаменитый лондонский туман наполовину брался из тяжелых, вонючих испарений, вздымающихся над уличными горами гниющих отходов. В такой день — солнечный, жаркий, типично летний в своей липкой духоте — дышать было нечем.

В этом мире Врата уже ничем не предохраняли, впрочем, устроить это было бы крайне сложно. Их гексагон находился на крыше огромного, трехэтажного дома, стоящего чуть ли не над самым берегом Темзы. В этой поднебесной путанице башенок, будок, дымоходных труб, душников, горгулий и странных фигур никто не заметил бы появления даже полусотни человек. Лабиринт крыши тянулся десятками метров. Даже у Сантаны имелись определенные сложности с ориентацией, и какое-то время он бродил нерешительно, пока не нашел нужную ему пристройку. Ее дверцы закрывались снаружи. Он раскрыл их и махнул мне рукой. Он стоял так и махал где-то с минуту, прежде чем я сдвинулся с места — уж слишком сильно я был занят тем, что присматривался к самому себе.

Сантана был прав, говоря, чтобы я не слишком привязывался к предметам — ни один из них не остался не измененным. Одежда из кожаной превратилась в льняную, с пускай и примитивным покроем, зато соответствующим эпохе. Бронзовый нож трансформировался в стальной кортик. Изменился и я сам: кожа сделалась светлее, черты лица стали напоминать англо-саксонскую физиономию. У Сантаны перемены были более тонкими, но, в то же самое время, более продвинутыми. Еще мгновение назад он был одет точно так же, как и я сам; но, пройдя через Врата, он каким-то чудом получил дорогой и элегантный двубортный костюм, отблескивающий морской волной жилет и шелковый платок на шее. Прическа — волосы сократились до четверти длины — и волшебный массаж головы превратили его в архетип английского аристократа среднего возраста. Ножа я у него не видел, но не сомневался, что тот превратился в антикварный стилет, либо в нечто того же самого рода.

По разваливающейся и запыленной лестнице мы спустились на чердак, а оттуда — в главный коридор третьего этажа. Когда мы проявились из темноты лестничной клетки, нас увидел слуга и не завопил только лишь потому, что у него «в зобу дыханье сперло».

— Надеюсь, — аристократически растягивая гласные, спросил Сантана, — сэр Джон Боттомли дома?

— Дда, конечно…

— Боттомли, — разглагольствовал Сантана, вытянувшись на громадном диване в библиотеке, где мы ожидали прибытия хозяина, — несколько странный тип; у него бзик на почве оккультизма, черной магии, духов, индийских факиров и тому подобных вещей. Мы этим воспользовались. Двадцать лет назад — понятно, по местному счету времени, это мир медленный — к нему пришло несколько наших людей; напрямую они ему не сказали ни слова, он сам прекрасно досказал за них. Как бы нехотя, они показали ему пару штучек. Здесь ограничение магии не такое уж и сильное, игрок с высокими показателями может кое-чего сделать. Так вот, мы дали Боттомли хорошие деньги, проинструктировали его… Он выкупил этот дом и соседний, и теперь осуществляет надзор над, но, точнее, под Вратами. Для такого мира это идеальный агент, кроме него у нас в Англии есть только двое. Мы частенько применяем муляжи подобным образом.

— Муляжи?…

— Естественно. А ты думал как? — будто Боттомли это настоящий человек? Это всего лишь последовательность нулей и единиц в памяти Аллаха. Точно так же, как и все остальное.

— А откуда у тебя этот безупречный английский из частной школы? — спросил я в свою очередь; количество имевшихся у меня вопросов было неограниченным — сейчас же мне хотелось воспользоваться хорошим настроением Сантаны, чаще всего, таким разговорчивым он не был.

Черный рассмеялся.

— Ты слышишь английский, так? Но на самом деле я даже и губами не шевелю. Вообще-то, я говорю только в мыслях, но Аллах на уровне Иррехааре обходит и попугачика — универсального вербализатора идей, так его называют. То, о чем я думаю, что говорю — я мысленно посылаю непосредственно в твой разум, но все эти мысли упакованы впечатлением, будто бы ты слышишь высказанные слова — так или иначе, на том или ином языке — слова, которые не могли бы мне прийти в голову. Ты что, думал, будто я на самом деле знаю все эти индейские наречия? Девяносто процентов игроков, свободно болтающих в своих видениях на китайском, испанском, шведском, французском или суахили — едва лишь разговаривает на бэйсике! Кажущееся знание ими языков, это всего лишь еще один из атрибутов персонажа, приспосабливающегося к новому миру во время перехода через Врата; этим процессом до некоторой

степени можно управлять, когда-нибудь ты и сам этому научишься. Я проходил через Врата тысячи раз. Только лишь потому рядом со мной ты выглядишь недотепой. Тебе не нужно знать немецкого языка, чтобы, услышав, тут же его узнать. Это всего лишь впечатление.

Вошел Боттомли.

Он был моложе, чем я его себе представлял — низенький, пухленький, энергичный, улыбчивый. На одном глазу бельмо, большая часть зубов испорчена. Начинающаяся лысина. Говоря очень быстро, он глотал окончания слов. В темных, мокрых отблесках зрачков таился страх — смертельный страх перед нами. На какое-то мгновение я сам почувствовал себя равным Сантане, я сделался богом для Боттомли.

— Нам нужна пара вещей, — буркнул Черный. — Ничего особенного. Но время дорого. Постарайся, Джон. Рассчитаемся обычным образом.

— Да, да, конечно же. Карета, лошади, одежда, оружие…

— Именно. Обычный комплект.

— Уже, уже делаю, — заверил нас хозяин.

Он внимательно глянул на меня и выбежал.

И действительно, времени это заняло у него немного, видимо, он уже привык к постоянной спешке своих таинственных гостей — никто из них, пребывая в этом медленном мире, терять в остальных месяцы и годы.

Сантана, уже в карете, указал мне на мою ошибку.

— Это не совсем так, — сказал он, подгоняя лошадей бичом. — Действительно, те, которые пользуются гексагоном Боттомли, бегут отсюда как можно скорее. Но приличная группа одиночек, не связанных ни с Самураем, ни с нами, специально оседают в видениях с относительно медленным ходом времени — они желают здесь попросту переждать до того момента, когда придет освобождение. Другое дело, что подобное поведение, это все равно, что прятать голову в песок: на территории Самурая свободных людей уже просто нет.

В принесенной Боттомли одежде мне было еще жарче. Я выиграл на презентабельности, но потерял в удобстве; от здешних джентльменов летом должно было попросту вонять потом. Помимо того, мы получили еще два тяжелых и примитивных кольта.

— Вообще-то, — буркнул я, сражаясь с пуговицами, быстрые и медленные миры следовало бы определять наоборот, ведь быстрые…

— В том-то и оно, — загадочно улыбаясь, перебил меня Сантана. — Ты должен привыкнуть к этой абсолютной

относительности Иррехааре. И вопрос времени становится здесь отличным примером. А теперь подумай: откуда взялись именно такие определения?

8. КРОВЬ МУЛЯЖА

Довольно быстро мы удалились от Темзы в южном направлении, до обеда объехали Элдершот с севера, до самого Стоунхенджа добираясь уже ночью; Сантана подгонял лошадей без какой-либо жалости. Карету и покрытых пеной животных он оставил на постоялом дворе, хозяин которого, наверняка, был ему известен. Отсюда и до холма оставался еще приличный кусок пути.

Где-то от границы графства Солсбери погода начала портиться; на западной стороне неба, у самого горизонта, появились странные вещи. Вроде бы и облака, но вовсе не летучие в своей монолитности; вроде бы и далекие, но пугающе выразительные. И они близились. С ужасающей скоростью они пожирали темнеющий с приходом ночи небосклон. Раз за разом Сантана бросал на них встревоженные взгляды.

Возвышенность Стоунхенджа и его каменную корону мы увидали уже в бледном свете полной луны. Несомненно, Сантана заметил там же и прямоугольники Врат, но вместе с ними — кое-что иное.

— Итак, у нас имеются неприятности, — буркнул он во время форсированного марша к холму. — Огни видишь? — указал он в направлении Эйвона.

И правда, там поблескивали какие-то светлые полосы.

— Следи за кругом, — бросил Сантана, — там тоже наверняка крутятся.

— Кто?

— Недавно нашим пришлось воспользоваться какими-то Вратами. Ну, скорее всего, из увидали местные. И вот теперь сюда прибыла летучая бригада охотников за тайнами.

Мы вбежали в окружение каменных блоков. Западная сторона неба была плотно затянута той странной, черной массой. Сантана буквально не мог оторвать от нее взгляда, поэтому лишь в самый последний момент увидал крестьянина с погашенным фонарем в руке, который бросился на него, появившись из-за поросшего мхом громадного камня. Сантана вытащил кольт и пальнул крестьянину в горло — грохот смертельного выстрела понесло вдаль. Жертву, захлебывающуюся собственной жизнью, в танцевальном пируэте отбросило в сторону. Шокированный, я глядел на раненного: из подбородка в липкую темноту, орошая высохшую землю, ударил тяжелый кровавый фонтан. Сантана нетерпеливо потянул меня за рукав.

— Давай, шевелись! Это уже близится!

— Зачем… зачем ты его…

— Это всего лишь муляж. Ну, какого черта ты встал?!

И вот тогда, сворачивая за Сантаной к старинным столпам, вслушиваясь в затихающий стон фермера, в этом особенном, редкостном сопряжении собственного эго со своим, но и с чужим представлением о другом человеке, неожиданно получив возможность взглянуть на его мысли — я понял Сантану, понял то ледяное, нечеловеческое спокойствие и то змеиное, детское безразличие, с которыми он убил крестьянина, и с которыми мне же обрезал пальцы. Ведь по сути своей, Сантана этого не делал, на самом деле он вообще ничего не делал, для него все эти люди — и я сам, тогда, в вертолете — были ничем иным, как только подпрограммами огромной системы Иррехааре, светящимися персонажами из электронной игры, брызжущими электронной кровью на экран, пиксельными человечками, гибнущими от призрачных пуль и вновь рождающимися, после того, как бросить монету в автомат. Потому что все так было в действительности. Иррехааре — это гораздо большее, чем кажется сначала: это свобода от греха. В этих фантасмагорических мирах, родившихся по причине подделки чувств, невозможно совершить какой-либо плохой поступок (равно как и хороший), ведь сама идея поступка как такового для Иррехааре является совершенно чуждой — Иррехааре это царство желаний.

Нас заглотила радуга, а потом — переваренных Вратами — нас выплюнуло в редкий лес, состоящий из высоких деревьев; здесь лил ужасный дождь, блестели молнии, и гремел гром.

— Что это было!? — крикнул я, перебивая шум ливня. — Там, на небе?! Что это было?!

— Вирус, — коротко отрезал Сантана.

Я только и успел бросить взгляд на нашу никакую, военизированную одежду, как Сантана потащил меня через следующие Врата.

Темнота абсолютная. Под ногами хлюпает грязь. Воздух сухой, резкий, царапающий в горло; я начинаю давиться…

Следующие Врата.

Нас забросило в самый центр гигантской, отсыревшей бетонной пещеры. Километровой длины цеха освещались немногочисленными потолочными лампами, заливая пространство потоками желтоватого, анемичного света. Останки когда-то могучих машин, превратившихся теперь в чудовищные, проржавевшие скелеты, тихо умирали под стенками. То тут, то там можно было видеть поблекшие фрагменты надписей на немецком языке.

По временному мостику мы перешли над лужей черной

маслянистой жидкости и вошли в следующую радугу.

На сей раз нас выплюнуло в нью-йоркском Центральном Парке.

Стоял поздний осенний вечер.

Где-то далеко кричала женщина.

Небо было покрыто беспокояще знакомой мозаикой реклам: в самом зените стояла «Кока-Кола», ближе к Манхеттену вращался серебряный круг логотипа Shoito, за ним блистали ICEC и IBM, и уже за нами феерией диких цветов с небосклона проецировался фильм, восхваляющий первую, еще экспериментальную серию домашних Церберов — GenLSTor. Выходит, это уже было время ICECа и Церберов, но вот «прививок» еще не было: их рекламы из полосы *public domain* наверняка бы вытеснили все остальные. Но даже shareware'ная накидка третьей реальности — образование полу-Иррехааре — была столь же грозной, что и амнезийный «слепак», поэтому действовал запрет на существование многоэтажных иллюзий; следовательно, в теории, не имели права на существование симуляции миров, более поздних, чем этот. Но это я сам себе вычислял и объяснял. Только существовала возможность и того, что Самурай нарушил и этот принцип. Правда, это бы породило непростую юридическую проблему: все эти тысячи «захлопнутых» — их всех после освобождения, в силу Конвенции, следовало бы признать недееспособными до конца жизни — почему до конца жизни: потому что никому из них не удалось бы доказать, что он окончательно вышел из «слепачества», и что этот мир не является всего лишь очередной надстройкой. Но, все равно, каким-то образом за ними следить будут — и за мной тоже будут следить.

Я осмотрелся по сторонам.

Сантана лишь пожал плечами на мой вопросительный взгляд.

— Иногда Аллах выбирает для расположения Врат самые странные места. Он не всегда использует местные предрассудки и мифологию.

С кривой усмешкой присмотревшись к костюмам, в которые мы были одеты, к нам трусцой направился низкорослый скин-калека. Инвалидность была вписана в каждое его движение, неполноценной была каждая частица его тела, столь же ненастоящими были и их соединения. Он казался случайным слепком десятка различных мужчин. Даже способ его передвижения говорил о некоторой случайности — его шаги были до удивительного нескоординированными. Только маска инвалидности не могла скрыть сил и энергии, дремлющих с этом искаженном совершенным уродством теле, его чудовищной «плотности»: это был великан, сжатый до размеров карлика.

Недоросток остановился в метре от Сантаны: кожа, ламинат, шипы, татуировки, серьги и цепочки.

— Черный, — хрипло шепнул он, глядя на Сантану снизу своими скошенными, непропорциональными глазами.

— Лламет.

— Я так и думал, что ты захочешь вернуться по более быстрой тропке.

— Тебя здесь Назгул поставил?

— Я сам себя поставил. Назгул уверен, что ты гниешь в Алгонтоте.

— Что-то случилось, — наполовину вопросительно буркнул Сантана после минуты беспокойного молчания.

— Да.

— Что же?

— Поговорим в Астро. А это что за муляж? — бросил Лламет, не глядя на меня; во всяком случае, мне так казалось.

— Это не муляж, — ответил Сантана.

— Знаешь, я не слепой.

— Ты же видел, как мы выходили.

— Я знаю твои показатели, так что рядом с тобой могу видеть самые разные вещи.

— Это же Нью-Йорк, двадцать первый век.

— Я знаю твои показатели.

— Ладно, поговорим в Астро, — вздохнул Черный.

Лламет махнул рукой, раскачался на кривых ногах, развернулся и повел нас по темной аллее к выходу из парка.

На перекрестке к нам подбежал темнокожий, пидороватый типчик.

— Господа, бля, прохаживаются тут, бля… Луна, бля, светит, бля…

Лламет как-то изогнулся и уже через мгновение очутился рядом с негритосом.

— Да что ты, Билли, бля, я только так… — заурчал перетрухавший пидор, и только мы его и видели.

Такси пришлось снимать Сантане, потому что ради Лламета никто бы не остановился. И так, увидав его, садящегося в машину, водитель поднял вопль, но полуросток успокоил его тысячедолларовой банкнотой. Во время поездки никто не разговаривал, даже таксист, который с мазохистским упорством всматривался в наши лица в зеркале обратного вида, наверняка пытаясь их запомнить, чтобы затем составить портрет по памяти. Вышли мы возле спуска в метро. Оказалось, что следующий гексагон устроен прямо на перроне подземки: Врата размещались в покрытой цветастыми граффити стене тоннеля. Для

засмотревшегося на нас кошара это должно было выглядеть, как будто бы мы вплавились радужной полосой в этот настенный рисунок. И когда меня охватила сказочная легкость гравитации Меркурия, перед моими глазами все еще стояло его смертельно перепуганное лицо.

9. ИГРА

Астро II, носящий второе название Стар Мексико, отделенный от замороженной поверхности планеты более, чем тысячью метров камня, и сам разделен шестнадцатью изолирующими слоями, как потом объяснил мне Сантана. В результате имеются семнадцать самообеспечивающихся герметичных уровней, плюс спрятанный значительно глубже, дополнительный военно-технический уровень, который называют Гадес[1]. Лет восемьдесят назад игроки несколько подкорректировали строение города с помощью «здешнего» ICEC, создавая иллюзию завала и радиоактивного заражения искусственной пещеры Гадеса, тем самым, обрезая его от остального комплекса. Впоследствии, воспользовавшись собственными — небольшими в данном мире — сверхъестественными способностями, они полностью заблокировали Гадес и очистили его от муляжей. Выбор именно этого места и мира для главной базы был, в основном, продиктован относительно быстрым ходом здешнего времени, относительно поздним историческим положением и центральной позицией в вертикали — но прежде всего, тем фактом, что в самом нижнем машинном зале Гадеса Аллах, только по ему самому известным причинам, разместил один из пяти до сих пор открытых Больших Гексагонов; все четыре остальных находились на территории Самурая.

Этот гексагон гексагонов, непропорциональная розетка из тридцати шести Врат с различными размерами, занимает более трех квадратных километров площади зала; ее потолка, закрытого ярко светящимся туманом, я даже не мог увидеть: это все равно, что глядеть прямо на Солнце. Мы вышли прямиком на ось розетки. Там высится, исчезающий уже через пару сотен метров в туманном вихре, самый толстый из семи столбов, скрывающий в своих внутренностях группы транспортных и пассажирских лифтов. Ошеломленный, я потряс головой: вокруг меня горели несколько десятков радужных пучков — все время кто-то проходил сквозь Врата, ежесекундно здесь появлялись и исчезали мужчины и женщины, по одиночке и в группах, внутри и на самых удивительных средствах передвижения, одетые, несмотря на определенное родство стилей, в значительно различающиеся между собою одежды. В одной пастельного цвета полосе материализовался даже транспортер на воздушной подушке. На полу, покрытом грубой, слегка прогибающейся материей, белыми линиями были обозначены места стыка с порогами Врат; размер некоторых из них не превышал и десятка метров, у других же

длину можно было измерять сотнями метров. По обеим сторонам каждой линии были нарисованы соответствующей величины крупные прямоугольные поля выхода, окрашенные в красный цвет, на которые не следовало входить; их нарисовали после того, как двух местных раздавили беглецы из другого мира в самоходной ракетной установке, рассказал Сантана в форме анекдота.

На огромном лифте мы помчались куда-то вверх; автомат низким женским голосом перечислял названия очередных этажей Гадеса. Я ожидал развития событий, мне не хотелось ни о чем расспрашивать. Лламет пялился на меня — взгляд у него тоже был болезненный.

Лифт остановился, и мы вышли в сад. Присевшая под ближайшим деревом обезьяна — громадная горилла — зыркнула на нас исподлобья, как могут только обезьяны. На мне был серый комбинезон, на Сантане — блестящий костюм, Лламет тоже был одет как в предыдущем мире — и обезьяне что-то в нас не понравилось. Она поднялась, кашлянула и изогнутым пальцем указала на меня.

Сантана пожал плечами.

— Это не муляж, — вздохнул он.

Горилла не пошевелилась.

— Иди, сообщи Назгулу, — приказал Лламет.

Горилла подумала, подумала и вперевалочку отправилась в чащу.

Мы ожидали возле лифта.

— Что говорит Ерлтваховичич? — спросил Черный.

— А ничего не говорит. Изоляционист долбвный. Якобы, сейчас он ведет с Самураем переговоры через Внешний Мир.

— Не верю.

— А чего ты хочешь, это же Резной.

— Ну ты и расист!

— Скин человеку — волк.

— Тоже мне, скин…

Горилла вернулась, теперь она не имела ничего против моего присутствия.

Идя по искусственно одичавшему тропическому лесу, я сам удивлялся своему умению передвижения при столь низкой гравитации — ни разу я не зацепился за ветку, ни разу не сошел с аллейки. Скорее всего, это умение я приобрел лишь благодаря переходу сквозь Врата. Я размышлял над этим лишь затем, чтобы чем-нибудь занять свои мысли. Потом я увидал Назгула и, естественно, обо всем забыл.

Тот сидел на песчаном берегу реки в низком, плетенном из

ивовых прутьев кресле, вытянув длинные ноги к самой воде. При этом он что-то бормотал под нос. Выйдя из тени аллейки, мы увидали его в профиль. Назгул был высоким. Был могучим. Он был самой тьмой, мраком бесконечной плотности, черной дырой, отлитой в форму человека. Окутывающий его бархатисто-черный плащ, не был столь черным, как его тело, которого попросту не было видно: настолько оно пожирало видимый свет. Он сам был дырой в этом дневном свете. Но вся всасываемая Назгулом энергия излучалась безумным багрянцем его глаз: он глядел осколками зеркала, украденного из самой преисподней. Железо обруча, сжимающего его череп, само должно было быть раскаленным.

— Господи мой, Иисусе Христе! Сантана, и где же это ты, черт подери, шатался?! — увидав нас, рявкнул он.

— Насколько я понимаю, Алес со своими коммандос не вернулся? — заметил на это Сантана.

— Что случилось, Самурай вас всех вырезал под корешок? Непобедимый Черный Сантана спартачил всю операцию?

— Восемь человек погибло, пара ребят без сознания не смогли восстановиться при переходе, Алекс отправился с ними по более широкой тропе. Я остался за башнями с этим вот чудом природы, после чего мы вернулись более быстрым путем. Алекс же уходил через Ледовые Поля — это очень медленный мир, так что его может не быть еще с неделю.

— И что же, на Полях его медведи слопали?

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я тут провел небольшую вылазку на первый круг Внешнего Мира, имеется там такой мирочек с тремя солнцами и нулевым сопротивлением магии плюс высочайшим коэффициентом мифичности. Я там с определенного времени спонсирую местным один храм. Аллах был в хорошем настроении, так что я устроил полный сеанс. При случае, ни с того ни с сего, спрашиваю про вас. И что узнаю? За последние несколько дней через фазу смерти прошли все участники дружины, за исключением, как видно, одного тебя.

Сантана молчал.

— Ну? — продолжал давить Назгул. — Случай, или как? Или понятия не имеешь?

— И что я могу ответить? Извиняться, за то, что единственный не умер, не стану.

— Извиняться? Я что, хочу, чтобы ты извинялся? Нет, Сантана, это ты сам должен мне объяснить! Объяснить! Как такое возможно, что третий раз подряд ты чудом ускользаешь от смерти, в то время, как все вокруг гибнут, а ведь это, по крайней

мере, не враги! А ты у нас тоже не Крени, не Самурай!

Назгул поднялся. Он был на две головы выше Сантаны, который сам превышал меня на ладонь, меня же самого карликом тоже не назовешь.

— У тебя месяц времени Мехико. И мне хочется иметь убедительные, слышишь? убедительные объяснения этого феномена. В противном случае, можешь отправляться к Самураю. Или во Внешний Мир.

— Не могу сказать, чтобы это был умный ход, — процедил Сантана. — Мы не находимся в столь хорошей ситуации, чтобы позволить выдвигать людям подобные ультиматумы. Ты делаешь ошибку.

— Сантана, ты у нас ходячая бомба с часовым механизмом. Библейский Иона! А я рисковать не могу. Я так рассчитал: мне не выгодно задерживать тебя, даже если бы ты был вторым Ерлтваховичичем. В один прекрасный день всех нас тут накроет метеоритом, и ты будешь единственной выжившей особой. Только без оскорблений — в данном случае я предпочитаю, чтобы ты выступал против нас.

— Это из тебя адвокат лезет, Назгул.

Лицо Назгула было мраком во мраке; возможно, что он и усмехнулся, я не видел — равно как мало чего увидишь, глядя прямо на солнце, точно так же ничего не заметишь и внутри черной дыры.

Багровые глаза изменили положение.

— Кто это? Муляж, который вовсе и не муляж?

Сантана, будто бы удивившись, глянул на меня.

— Вот такой вот тип, — ответил он. — Мы захватили его в Конго. Я лично его захватил; мне было любопытно, что это за феномен. Видишь ли, его невозможно убить. Но он прошел сквозь Врата, реконструировался из мыслей — так что человек, не муляж. Мне казалось: ныряльщик или кто-то в этом роде. Он даже своего имени не помнит. Он даже понятия не имел, что находится в Иррехааре.

Назгул все время присматривался ко мне.

— Сантана, что ты хочешь с ним сделать?

— Сделать? В каком смысле?

— На кой ляд ты его приволок?

— То есть как это, на кой ляд? Ведь…

— Ты что, на голову трахнутый? Лламет, убей его.

Я обернулся, отступил на шаг — что-то невидимое, сам багрец взгляда Назгула, движение его пальцев, отблеск на короне связали мне ноги; я застыл. Словно скотина на бойне. Говорят обо мне, а я ни словечка.

Лламет сидел под деревом.

— Кого, — процедил он через желтые зубы. — Прошу тебя, выражайся, елки зеленые, яснее, — рявкнул он в сторону Назгула.

Тот типично еврейским жестом поднял руку над головой, тряхнул ею и свалился, разочарованно, снова в кресло.

Скин захихикал.

— Лламет, — через пару секунд шепнул Назгул.

Карлик пожал плечами; всего лишь какое-то мгновение мне казалось, что движение это и ограничилось пожатием плечами, на самом же деле это странное балансирование непропорционально громадными руками резко подорвало его с земли и бросило вперед, придавая телу калеки убийственный разгон. Низкорослое создание вошло в состояние амока. Нас разделяло метров шесть, но я трижды успел потерять его взглядом, прежде чем он подскочил ко мне; он не бежал, собственно, он вообще не двигался, скорее, им метала какая-то чудовищная сила: в сторону, опять в сторону, вперед, в бок, назад, прыжок и поворот — он был гораздо быстрее взгляда. Даже предусмотреть направлений этих балетных перемещений было невозможно. Одно мгновение ока, и вот он уже мазанул, при этом странно свернувшись, непонятно как вытянутой рукой, у самого моего бока. Я вообще не заметил этого удара, не увидел клинка, которым тот был нанесен. Что-то лилось у меня по шее. Я крикнул; крикнул бы, если бы только еще мог набрать в легкие воздух — вот только Лламет выполнил смертельную трехеотомию с опытностью и точностью хирурга. Я упал. Все вокруг красное. Липкое… Кто-то хрипит. Не закрывай глаза. Гггггххх… Земля делает мне больно. Она палит меня. Огонь в самой груди. Мое тело еще двигается. Оно мечется, словно выброшенная на берег рыба. В собственной крови. Или это рокот лопастей вертолета?…

10. САНТАНА И НАЗГУЛ

— …так? Нельзя убить? Так что ты задумал, Сантана?

— Сам же видишь: не исчезает.

— Не исчезает, потому что муляж. Бля, тебя Самурай перекурил?

— Твои слова, Назгул, твои слова.

— Ладно, отступаю, sorry. Только на будущее — не выскакивай с чем-либо подобным. Если вообще у тебя будет с нами какое-нибудь будущее.

— А тебе никогда не приходило в твою темную башку…

— Э, люди, он шевелится.

Я тут же перестал двигаться.

— Облажался, Лламет.

— Что за оскорбления? Его долбаная головешка едва держалась на плечах…

— Я же говорил, что его нельзя убить.

— Блин, это уже две бомбы с часовым механизмом. Он не может здесь оставаться. Делай с ним, что хочешь, но в Мехико он оставаться не должен.

— Ведь это изгнание, Назгул.

— Ну, если ты это так воспринимаешь.

— А как мне еще воспринимать? Ну, вставай, — Сантана пнул меня в бок. — Не притворяйся, Адриан.

— Ты же говорил, будто у него нет имени.

— Я говорил, что он не помнит имени. Адриана он присвоил себе сам. Лламет, подхвати-ка его.

И тот так подхватил, что у меня что-то хрустнуло в плече. Я мало чего видел; под веками кружили алые пятна. В обычной гравитации я бы наверняка не смог устоять.

— Может вы считаете… — хрипя, начал я.

— Заткнись, — буркнул Сантана.

Я попытался открыть глаза пошире; мое лицо было покрыто не до конца еще свернувшейся коркой крови, я разламывал ее каждым шевелением, каждым движением губ, шевелением век.

Сантана повернулся к Назгулу.

— Две ошибки за один день…

— Не хочется мне с тобой ссориться, — перебил его Назгул. — Если хочешь, возьми Лламета. Только прочь с моих глаз.

Я вновь запоздал со своим предложением. Я хотел что-то сказать, что-то прокричать, чего-то доказать, но пока собрал мысли в конкретные слова, прежде чем мне удалось набрать в

легкие достаточное количество воздуха — как уже очутился в лифте, в клинической тишине спадая к Вратам, и никто не обращал на меня внимания; втиснувшись окровавленным клубком в угол, я тяжело дышал — а рядом Черный лениво переругивался с развеселившимся Лламетом.

— Что, великий Сантана, доигрался, а? А может, все-таки, стоило бы парочку раз эффектно издохнуть?

— Чтобы стать таким как ты сумасшедшим?

— Чтобы быть нормальным. Хе, у тебя все еще пугающе здоровые мысли.

— Так что?

— Добром тебе советую, умри парочку раз. И тебе сразу же станет легче.

— Слушай, ты кто, бля, на самом деле? Слепак?

Мы вышли сразу же над залом розетки. Сантана с Лламетом свернули и по узкому коридору прошли к входу одного из боковых столбов-опор. Я тащился за ними, как только мог скорее; ноги у меня путались, мысли и взгляд тоже путались. Я сам себя купал в багровых слезах.

Мы спустились к шестиугольнику номер четыре. Из одних его Врат на карминовое выходное поле как раз выезжал огромный, плоский танк в компании двух «харли-девидсонов». Длинноволосые мотоциклисты, визжа, перевирали какой-то рок-н-ролльный стандарт. Колонна проехала столб-опору, дала по газам и размылась в радуге противоположных Врат.

Возле нашей пороговой линии было написано условное название мира, который находился за ней, только я не успел сложить буквы в какое-либо осмысленное выражение; сама операция по перезанию горла весьма эффективно лишает тебя и способность концентрироваться.

Нас перебросило на какой-то луг. Притяжение тут же пригнуло меня к самой земле. Шок. Волшебное оздоровление. Воздух, без труда входящий и выходящий из легких.

— Ну, — махнул мне рукой Сантана, — ты не отставай. Здесь недалеко, в этой же последовательности.

— Вы хотите меня убить, — сказал я. — Прибить меня желаете. Избавиться от меня. Ведь жалеешь, что я бессмертный, правда? — Пальцы.

Тот в удивлении поднял брови.

— Что ты имеешь в виду? Ну? — идешь или не идешь? Или сам желаешь блуждать по Иррехааре?

— Иррехааре. Вечная ваша отговорка. На самом деле тут ничего не происходит.

Тем не менее, за ними я пошел. А что мне еще оставалось?

Мы проходили сквозь Врата еще четыре раза; все они располагались в одной последовательности гексагона.

Голая скала, бичуемая вихрем.

Тесные внутренности бетонного бункера.

Пустая улица в погруженном во сне Берлине начала двадцатого века; хрустально-прозрачная ночь.

Темнота.

Минуточку, — буркнул Сантана. По короткому эхо его голоса я понял, что мы очутились в замкнутом помещении.

Появился свет: керосиновая лампа. Сантана взял ее со столика, являющегося единственной мебелью в этом зале. Мраморные полы. Деревянные панели на стенах. Окон никаких. На противоположной стене — двери. Столик был размещен в средине шестиугольника — как я сориентировался по размещению белых линий порогов Врат. Я старательно обошел их, идя к двери за Сантаной и Лламетом. На Черном была развевающаяся льняная рубаха и несколько старомодные брюки. Похоже был одет и Лламет; впервые он отказался от маски скина — а может он просто не мог удерживать ее, переходя в этот мир. При столь легкой одежде, он практически выставлял напоказ собственное уродство, хвалился им. Лламет был до такой степени отвратителен, что даже привлекательным в этом своем уродстве — и даже красавцем. Я же, в простого покроя рубахе и штанах, мог соответствовать любой эпохе. Лампа в руке Сантаны покачивалась, качался язык пламени, танцевали тени. Затем он поставил лампу на пол, вынул откуда-то ключ и открыл тяжелую, железную дверь. Она не скрипнула, легко повернувшись на петлях. Мы вошли на лестницу. Двери Черный тщательно закрыл за собой. Идя вверх в тупом ритме старого смотрителя маяка, ежедневно взбирающегося на самый верх башни по спиральным, вытоптанным ступеням, я впервые задумался над возможностью бегства. Куда? А безразлично, лишь бы куда подальше от этих чудищ, которые пытаются меня убить, когда им это придет в голову. Пальцы… Теперь — теперь я уже безопасно размышлять над возможностью побега, поскольку не мог внедрить своих революционных решений в жизнь — вновь я был пленен в одном мире со своими врагами. Вот только на самом ли деле были они моими врагами? Это словосочетание, «на самом деле», обладает специфическим значением. Ведь на самом деле они теряют сознание, если им случается порезаться. На самом ведь деле, никто из них никогда не видел умирающего человека. На самом ведь деле, все они являются статистическими, серыми примерами многомиллиардного общества, сейчас отделенными и выделенными по причине случайной аварии Аллаха — во всем же

остальном, банальными людьми. На самом деле, скорее всего, никто из них меня не знает, кем бы я там не был. И на самом деле им до меня нет никакого дела — вот что во всем этом самое страшное.

Еще одни двери. Сантана гасит лампу. За дверью ярко освещенный жаркими солнечными лучами холл. Жарища. Самый полдень в средине лета. И духота.

— Приветствую на моей плантации, — поклонился с характерной усмешкой на лице Черный.

Луизиана, год 1834.

11. РАЙ САНТАНЫ

Для местных манекенов он был миллионером-иностранцем, Сантаной Филипом Блеком, который, выкупив это неоднократно заложенное имение, переехал сюда из своих родимых сторон по причине каких-то семейных споров. Соседи его уважали, потому что он был богатым. Деловые партнеры уважали, поскольку он никогда и никому ничего не прощал. Слуги и рабы боялись по причине его жестокости. Да он привлекал, потому что он не маскировал ни одной из этих черт. Зато жена его любила, ибо знала — или же ей казалось, будто бы она знает — Что именно таким образом он маскирует свое совершенно другое, истинное лицо. Только Сантане на всех их было наплевать — ведь все они являлись последовательностями нулей и единиц в каком-то из буферов памяти Аллаха.

Дом был большим, просторным, солнечным. Я так и не узнал всех тайн, которые скрывали его бесчисленные комнаты. Мне предназначили одну из почти двух десятков спален, что занимали второй этаж западного крыла. Оттуда я мог видеть подъезд, сад, дорогу и часть ближайшего хлопкового поля Сантаны. Я слышал тяжело парящие в безветренном воздухе песни работавших на нем негров.

Слуги относились ко мне как к равного по статусу гостю хозяина; они явно были привыкшими к неожиданным появлениям Сантаны и его странных приятелей, их это никак не удивляло, равно как и не проявляли они удивления нашими сверхъестественными способностями. Сантана нередко исчезал на несколько дней, после чего столь же неожиданно появлялся — сам или же в компании таинственных незнакомцев. По сути своей, эти эскапады могли занимать даже несколько месяцев, но, принимая во внимание невероятно медленный ход здешнего времени, их воспринимали как краткие отсутствия. Узнав о такой особенности здешнего мира, я понял, что Сантана совершенно не собирался подчиняться требованиям Назгула, что с самого начала плевать он хотел на свое столь громко названное изгнание.

— Это уже не в первый раз я становлюсь ему костью в горле, — объяснил он мне при какой-то оказии. — Назгул меня терпеть не может, я его, видите ли, оскорбляю. В реальной жизни он адвокат; в качестве предводителя он прекрасно справляется с задачей координации сложных действий, с планированием долгосрочной стратегии и с принятием срочных, неожиданных решений. Но в то же самое время, он еще и параноик. Другое дело, что на его месте я и сам давно бы стал психически больным.

— Вы признаете такое его всемогущество? Автаркию единственного человека?

— А тебе казалось, будто у нас тут какой-то парламент, или как? Да, демократия, это штука приятная, но покажи мне парламент, который во время битвы будет с коня управлять сражением, и который обладает чем-либо таким, как честь и престиж, благодаря чему, солдаты желали бы сражаться под его началом, а в Иррехааре все основывается именно на этом.

То есть, Сантана решил попросту переждать события в своем шикарном укрытии. Лламет тоже был удовлетворен таким его решением. Впрочем, как оказалось впоследствии, это не был его первый визит в Луизиане Черного; местные манекены прекрасно знали его и даже пугали им своих детей. У Лламета имелась слабость с маленьким мальчикам. Их останки редко кто находил потом.

Иррехааре.

12. ВСЕВИДЯЩЕЕ ОКО: АЛЛАХ

Время уходило, совершенно незаметно убегали дни и недели между завтраком и обедом, мимо меня за невидимыми барьерами Врат проходила жестокая вселенная иллюзий, сон машины. Чего не вижу, не слышу, не чувствую — то и не существует. Ведь и по сути своей, после того, как данный мир покинет последний игрок, мир этот сплющивается в оперативной памяти Аллаха до сухой модели, соответственный отрезок которой будет вновь переведен на язык звуков, цветов, запахов только лишь тогда, когда найдется некто, кому всю эту фата-моргану можно будет вколоть сериями импульсов через мозговой имплантант. Эти негры не пели бы, если бы я их не слушал. Солнце не светило бы, если бы не было игрока, который чувствует его лучи. Техницизированный соллипсизм; каждый из нас является Богом Аллаха. Но с другой стороны, и Аллах является нашим Богом.

— Поясню тебе на примере, — сказал Маастракни, вытаскивая из кармана четверть доллара. Это был один из гостей Сантаны, о котором мне было известно, что это игрок — тем не менее, несмотря на постоянное прищуривание левого и правого глаза, сам я не мог их идентифицировать. Маастракни был худым, коротко стриженным, с темной кожей типом; говорил он мало, когда его не спрашивали — он вообще не отзывался, вечно держался в стороне, ни в какие дискуссии не вступал, сам вопросов не задавал, но если спрашивали у него — всегда вежливо отвечал — вел он себя несколько неестественно; и всегда он был спокоен тем тихим покоем одиночек из реальной жизни. Муляжи дарили его симпатией, что у других игроков всегда вызывало удивление и раздраженность. Маастракни жил у Сантаны уже довольно долго.

— Этот мир обладает довольно высокими коэффициентами мифичности и магии. И вот теперь лишь представь себе ясно, какая сторона монеты соответствует «да», а какая — «нет».

— И что с того?

— Задай какой-нибудь вопрос и подбрось монетку.

Равняется ли два плюс два четырем? Я начал бросать. Да. Да. Да. Да. Все время выпадала решка, это было просто ужасно. Растение ли бабочка? Сплошные орлы. Плоская ли земля? Орлы. Существует ли Бог? Да, нет, нет, да, нет, да, да…

— Ты задал вопрос, на который Аллах не знает ответа, — сказал следящий за моими начинаниями Маастрикни. — Или же он не может ответить на него только отрицательно либо положительно.

Мы сидели на веранде, залитой апельсиновым светом конфетного заката; Маастракни, в легком белом пиджаке, с тросточкой на коленях, потихоньку цедил ледяной чай. В коррале за парком объезжали диких лошадей, оттуда доносились окрики всадников и зрителей, галоп копыт укрощаемых животных. В доме же царила сонная тишина августовского вечера.

— Ну а если бы я попытался обманывать? Контролировать броски, или вообще бросать фальшивую монетку?

— Если ты будешь делать это сознательно, если хотя бы раз об этом подумаешь, Аллах это считает, и ты сразу же получишь ничего не значащий результат.

— Ты хочешь сказать, что он знает наши мысли? Читает их?

Маастракни отставил стакан.

— Естественно. На этом все и основано. Никаких действий. Только мысли.

Какое-то время я размышлял.

— Тогда почему же, — спросил я у собеседника, — Назгул так настаивал, чтобы Сантана узнал, что случилось с Алексом и его людьми, раз достаточно было лишь бросить монету?

— Этого было бы недостаточно.

— Но ведь Аллах знает ответ на этот вопрос.

— Знает.

— Тогда почему же…

Из дома до нас донесся мягкий пассаж фортепиано.

— Мария… — сказал Маастракни. Мария была муляжом-женой Сантаны.

— Тогда почему же… — вновь начал я.

— Потому что это очень важные сведения. Аллах — это компьютер, он мыслит алгоритмами, в его «безумии» с самого начала запрограммирована методичность и точность; часть принципов он нарушил наиболее откровенно, зато остальным следует с механической дословностью. Я полагаю (но концепцию эту придумал Сантана), что тут дело в том, будто Аллаху запрещено вмешиваться в миры Иррехааре в качестве отдельной стороны. Это чисто компьютерная логика, он может вычислить с точностью до грамма массу Солнца, но потом сразу же сообщит тебе совершенно неверный результат, потому что пьяный программист перескочил с какой-гибудь петлей на пару ячеек дальше.

Эти объяснения я принял весьма скептически. Ведь «важность» любой информации всегда относительна. Я подумал: Просто-напросто, Аллах открывает, что хочется ему. Но тогда из этой констатации я не сделал более глубоких выводов.

Маастрикни все говорил и говорил. Мария перестала играть и

вышла на веранду. Тот же и не обернулся, продолжая говорить с тупой настойчивостью, хотя, прекрасно зная о ее присутствии, должен был бы сменить тему, замолчать — не слишком хорошо, когда муляжи догадываются о слишком многом.

Мария остановилась, глянула на меня, на спину Маастрикни, подняла брови. Абсолютное совершенство. Шелка и кружева окутывали ее словно туман. Ее волосы отсвечивали ледовой белизной снега, очень светлая кожа была тщательно защищена от воздействия ультрафиолетовых лучей. Движения богини: казалось, она качнет головой, и небо заплачет. Главное, отвернуть взгляд от этих губ.

Она улыбнулась и ушла; никакое мгновение не может юыть настолько прекрасным, чтобы длиться вечно.

13. ЛЮБОВЬ В ИРРЕХААРЕ

Клара, еще один игрок, живущая в гостях у Сантаны, когда я спросил ее во время купания в ближайшей реке о странном поведении Маастрикни, зашлась в хохоте.

Я подплыл к ней, расплескивая брызги во все стороны.

— Маастрикни просто сумасшедший, — объяснила девушка, ускользая из моего захвата.

— Я бы не сказал.

— А ты знаешь, кто он на самом деле?

— Кто же?

— Ассассин из Исламской Империи. Ему вмонтировали слепаческую прививку, потому что его перебросили с группой в Европу для выполнения какого-то задания.

— Откуда ты знаешь?

— Он сам мне об этом сказал.

— Это всего лишь делает его преступником, но никак не сумасшедшим.

Клара лежала на воде с руками под головой, щуря глаза от солнечных зайчиков, скачущих по воде и от лучей самого солнца.

— Маастрикни был человеком Самурая. Он получил задание убить Сантану, чтобы Самурай мог захватить его на своей территории. Он прорвался через контролируемые нами Врата, добрался до здешнего мира, подождал прибытия Сантаны и убил его. К сожалению, он увидал Марию и влюбился в нее.

— Даже так?

Клара обернулась, изумленно глянула на меня. После этого она нырнула и выплыла рядом со мной, в тени крутого берега.

— Ты что, не понимаешь? Он влюбился в нее. Влюбился в муляж! И он же знал, что это муляж, ведь не слепой, как ты. Влюбился и остался здесь.

— А Сантана?

— Каким-то чудом вернулся; позволил ему поселиться здесь, у себя. Таким образом, он исключил опасного игрока из армии Самурая. Теперь он следит за ним, сделал его зависимым от себя.

Временами я совершенно забывал, что это Иррехааре — иллюзия и фальшивка, и тогда уже никоим образом не мог понять всех этих людей.

— И что? Это ему не мешает? Постоянно следит за ними, или как?

Клара рассмеялась.

— Он прекрасно знает, что Мария изменяет ему с Маастрикни — и таким вот образом он осуществляет над ним

контроль. Ну а Мария как-то любит их обоих. Масстрикни же, бедный идиот, страдает.

— Наверное, я тупой.

— Ведь это муляж! Муляж! Как ты не понимаешь? Масстрикни сошел с ума, влюбившись в муляж! Влюбившись в подпрограмму Аллаха!

Я глянул на Клару, черноволосую нимфу с наркотически синими глазами и бархатистой кожей.

— А кто ты на самом деле? — спросил я после длительного мгновения интимного молчания.

— Будет лучше, чтобы ты и не знал, — шепнула она, затягивая меня на глубину.

На следующий день я узнал от Лламета, что игрок, использующий тело Клары, в реальном мире — это восьмидесятивосьмилетний вышедший на пенсию полицейский.

Он увидал, как я побледнел. Затем расхохотался, начал хлопать себя по кривым ногам.

— А ты как думал? Что Аллах считывает образы игроков с их фотографий в банке данных? — весело расквакался он. — Здесь каждый выбирает себе именно такое тело, которого у него на самом деле нет, но которое он желал бы иметь! Вот почему в Иррехааре столько мужчин с телами Далле, ну а женщины — каждая вторая Афродиты!

— В таком случае, кто же ты на самом деле, чучело?

— А ты угадай, угадай…

14. НЕ ТОЛЬКО АЛЛАХ

Оказалось, что это еще не конец чудесам Иррехааре. Через три недели пребывания в Луизиане у меня все же сформировалась способность идентифицировать игроков. Я ходил по дому и мигал. С крайней увлеченностью я наблюдал за удивительным обострением силуэтов Черного, Лламета, Клары, Маастрикни, Аусбурга, Крени. Здесь же я встретил еще одного… даже не знаю, как классифицировать эту личность. Я даже не уверен, какого пола она была. Возможно, это был вирус, но, возможно, какой-то таинственный игрок с просто невообразимыми коэффициентами. Я шел по небольшой аллее в тени низеньких деревьев любимого сада Сантаны; природа играла всем спектром тончайших впечатлений красоты и естественности, дул легкий ветерок, сам я чувствовал себя полубогом — он вышел из-за поворота. Я замигал: такого типа наполненного солнцем, и в то же самое время, такой резчайшей размытости контуров силуэта я не видел ни у кого из игроков, и это сбило меня с толку. Незнакомец был уже рядом со мной. Странно — теперь я не могу уже вспомнить никаких деталей его фигуры: высокий? низкий? Какие волосы? Какая одежда? Помню лишь то, что он улыбался. Он мне что-то подал — оружие. В этом мире это могло быть только кавалерийской саблей. Я принял подарок; незнакомец же ушел, исчез. Я понятия не имел, в чем тут было дело.

Пряча саблю под кровать, я подумал: еще один миф; Иррехааре — это тигель всевозможных сказок, преданий, архетипов и топосов, так что здесь просто обязан был появиться какой-то Незнакомец, Таинственный Тип с большой буквы, какая-то миссия и священный артефакт. Но никому о происхождении сабли я не рассказал.

Вечером, опять же в саду, я столкнулся с шаставшим без цели огромным волкодавом Сантаны, Ики. Его фигура тоже была резкой!

— Понятия не имею, кто он за пределами Иррехааре, — ответил на мой вопрос Сантана. — Явно, какой-то рьяный кинолог, который на мгновение вошел в тело пса, чтобы проверить правильность алгоритмов модели. И на тебе, такая невезуха, что сделал это в неподходящий момент, как и все остальные. — Мне же вспомнилась горилла из сада Назгула в Астро.

Мне пришло в голову, что, раз я уже могу различать игроков, то, возможно, уже могу видеть и Врата. Я выпросил у Сантаны

ключ от подвала с переходами; тот был удивлен моей решительностью.

Спустившись вниз по опасно скользким ступеням, держа в руках зажженную лампу, я открыл и закрыл за собой железные двери. Лампу я поставил на столик и приступил к исследованиям. Несмотря на упорное вглядывание в пространство над белыми линиями порогов, я не заметил там ничего необычного. Я встал в самой средине шестиугольника. Все равно — ничего. Тогда я начал ходить вдоль стен помещения, рассчитывая на то, что обнаружу, наконец-то, уголок — если все зависело только лишь от этого — из которого, в конце концов, увижу Врата. Но ничего не обнаружил. Что же; время у меня есть, подожду, а потом проверю еще разик.

Возле линий порогов были написаны ориентационные места переносов. Начиная с «Берлина», двигаясь по часовой стрелке, это были: «Маэхатт», «Дик-Ривер», «Пекин-V», «Дом Каэссии» и «Килиманджаро». Меня так и подмывало осуществить самостоятельный переход, хотя бы в Берлин, чтобы там потренироваться в процессе создания собственной фигуры в новом мире. И наверняка бы так и поступил, если бы не увидел той записки. Она лежала под столиком, сразу же возле его единственной ножки — небольшой, белый, несколько измятый бумажный прямоугольник с написанными ручкой несколькими строчками. Меня он просто заинтересовал, ничего больше — обычный листок. Я понял его и поднес к лампе.

Сантана:

От мезозоя через последовательность идет зеркальный вирус

Вечер 14 февраля 54 на Килиманджаро

Кавалерр

15. ТУЧИ НАД РАЕМ

— Кто такой Кавалерр? — спросил я у Крени за ужином.

Над длинным, заставленным серебром и фарфором столом вздымался шум тихих разговоров, быстрых перешептываний, кратких взрывов смеха; кроме игроков здесь сидели всего четыре муляжа, и я мог быть уверен, что никто из них моего вопроса не услышит.

— Кавалерр? — удивился Крени. — Это киллер, работающий на Ерлтваховичича. Где ты о нем услышал? Или вспомнил его?

— Сомневаюсь, чтобы я когда-либо и что-либо вспомню, — покачал я головой, поднимая рюмку. — Амнезия полнейшая.

Крени надул губы.

— Да не будь ты таким пессимистом, никто не знает…

— Я уже попросту привык к этой ситуации. — Мои собственные слова заставляли меня задуматься. — Говоря по правде, я даже не был бы доволен возвращением памяти. Сейчас я предпочитаю быть тем, кем являюсь сейчас, хотя, собственно, сейчас я никто; но боюсь открыть слишком много.

Крени как-то странно поглядел на меня.

Сам Крени обладал фигурой светловолосого, девятнадцатилетнего юноши, истинного южноамериканского Аполлона; его стартовое место находилось как раз в этой Луизиане. На самом же деле он был преподавателем истории, лет шестидесяти с лишним, после двух сердечных приступов и трех разорванных супружеских контрактов низкой степени. Входя в Иррехааре, он выбрал, из всех доступных, комплект коэффициентов, дающих наибольшую удачу, в результате чего, почти все остальные его коэффициенты были равны нулю. Он был единственным из известных Сантане игроков (если не считать Самурая), который после аварии Аллаха не умирал еще ни разу.

— А зеркальный вирус? — заговорил я с ним снова, уже после десерта.

— Слушай… — начал тот, потихоньку морща брови — этот его жест больше подходил профессору, чем подростку.

Тогда я показал ему записку, и он умолк.

— В подвале, возле Врат, пару часов тому назад, — объяснил я.

Крени щелкнул пальцами, подзывая лакея, шепотом передал ему какое-то указание; негр подошел к Сантане, склонился над ним и что-то начал объяснять — Черный, казалось, был чем-то недоволен, со своим кислым выражением на лице поглядывая в сторону Крени. В конце концов, он кивнул, извинился, поднялся с

места. Крени тоже встал из за стола. За ними встал и я.

Мы перешли в библиотеку. Сантана закурил сигару — плантатор, куда ни глянь.

За открытыми окнами в прохладном вечернем воздухе неслась громкая музыка цикад. Вдали ржа конь, кто-то кого-то звал.

— Что случилось, Крени? Что, обязательно посреди ужина…

— Время, — буркнул тот и подал Черному записку.

Сантана прочитал сообщение, вопросительно глянул на меня — я кивнул.

— Как давно ты не заглядывал в подвал? — спросил у него Крени.

— Черт, да уже пару дней, а то и больше.

— Счастье еще, что спустился Адриан. Нужно будет смотаться на Килиманджаро и проверить дату.

— У меня имеется календарь этой последовательности на сорок скачков, так что сейчас тебе скажу. — Сантана отложил сигару, отыскал на библиотечной полке небольшую, в твердой оправе книжку, приютившуюся между астролябией и клепсидрой, и пролистал ее. — Семнадцатое февраля было там вчера утром, сейчас же там должно быть… — он глянул на часы, — …двадцать седьмое.

Крени развалился в кресле.

— Зеркальные ведь идут медленно, — бросил он.

— Не так уж и медленно, как этот мир. Нужно собираться.

— А может было бы достаточно дать знак Назгулу? В конце концов, ведь дойдет и до него.

— Назгул будет выжидать. Впрочем, в Астро уровень магии приближается к нулю, так что на них он может вообще и не пойти. А даже если и… — Черный отложил книжку. — Назгул станет выжидать, чтобы нам, случаем, не сделать услуги.

— Я стану перебивать вас, пока мне не объяснят, что, собственно, происходит, — рявкнул я: привычка игнорировать меня уже вошла им в кровь.

— Чего ты не понимаешь? — вздохнул Сантана и тут же продолжил.

Зеркальный вирус — это вирус, отражающийся на последующие миры через плоскости Врат; чаще всего, в вертикальной последовательности. Он меньше и медленнее, чем практически ничем не ограниченные местные вирусы, представителя которых я имел возможность видеть над Стоунхенджем. Но, принимая во внимание его способность к размножению и к переходу через границы миров, равно как и симулятивно-муляжную разумность, а прежде всего — чуть ли не

человеческую заядлость в охоте на игроков, он представляет собой самую опасную форму вируса. Чаще всего, он принимает гуманоидную форму; сила его, в основном, представляет собой силу магии, поэтому в реалистических мирах его уничтожить не так и сложно. Но после каждого очередного возрождения он делается более осторожным: сейчас он попросту обходит такие миры. Но вот Луизиану он не пропустит наверняка.

— Может, все-таки, обойдет, — без особой уверенности сказал Крени.

— Такой удачи нет даже у тебя.

— Так что? Эмигрируем?

Сантана нахмурился. Вроде бы он и сам это предложил, только переезд был ему не по вкусу.

— Ты же сам говорил, что не следует привязываться к предметам, — упрекнул я его.

Тот злобно глянул на меня.

— От мезозоя в последовательности скачков около тридцати. Если не больше, — сообщил он с натренированной выдержкой, размышляя вслух. — Тем не менее, время у нас еще имеется. Можем и попробовать.

Крени постучал себя в лоб согнутым пальцем.

— И кто с тобой пойдет?

— Лламет.

— Ну да, Лламет пойдет. Лламет у нас садомазохист. Да кто вы, Тени, вообще такие? Думаешь, что вдвоем вы справитесь? — Крени с сожалением развернул верхнюю губу.

— В более-менее реалистическом мире…

— Реалистичные миры он уже давно перестал посещать.

— Трус ты.

— Знаю.

Сантана отвел от него взгляд, поправил манжеты.

— Ты хочешь его уничтожить? — с изумлением спросил я. — Хочешь уничтожить вирус еще до того, как он сюда доберется, так? Так?

Своим молчанием Черный подтвердил мои предположения.

Махнув рукой, Крени поднялся и вышел.

— Я попрошу Аусбурга, чтобы он провел тебя в какой-нибудь безопасный мир вне последовательности, — произнес наконец Сантана, угощая меня сигарой. — А больше ни о чем и не мечтай.

Я откусил кончик, прикурил и так же автоматически возразил:

— Я пойду с вами.

— Крыша поехала?

— Ладно, представь мне хотя бы пару логических аргументов

против этой идеи.

— Да отъебись ты со всеми своими аргументами! Это просто идиотизм, и ты об этом прекрасно знаешь. Мало того, что этот придурошный вирус, так еще и за тобой следи, который сам не знаешь, чего не помнишь, пока это само по тебе не пронесется. — Сантана, со слепой яростью в глазах, пинком поправил загнувшийся уголок ковра. — В твоем случае Назгул был совершенно прав. Ты и в самом деле ходячая часовая бомба! Только я не буду увеличивать риск понапрасну. — Он перехватил мой взгляд. — Да, знаю: и говорю как Назгул!

— Сантана. Меня невозможно убить.

Вот это его пригасило. Черный свалился в кресло, тупо всматриваясь в ночь, он артистически выдувал дым. Затягиваясь, время от времени, он оценивающе поглядывал на меня.

— А почему для тебя это так важно, а?

— Скажем так, потому что мне надоело, чтобы ко мне относились как к щенку, нуждающемуся в няньке, чтобы перейти парочку Врат.

— Но ведь нуждаешься же…

— А мне хочется не нуждаться.

— Тогда, откуда тебе известно…

— Не знаю.

Сантана усмехнулся, прищурил глаза, сделал выпад сигарой в моем направлении.

— А ты меняешься, Адриан. Теперь мне бы уже не удалось так легко отрезать тебе пальцы. Ведь правда? Теперь ты уже не никакой. Меняешься. Может и не память, но кое-что ты восстанавливаешь наверняка.

16. ПОКИНУТЫЙ РАЙ

Лламет, естественно, согласился. Остальные известные мне игроки, гостившие у Сантаны, при известии о приближающемся зеркальном вирусе как можно скорее отправились в подвал, никто из них не вернулся. Исключением был только Маастракни.

— Даже если мы все удерем, он все равно почувствует, что мы здесь были, — сказал он Сантане. — И он уничтожит все и всех, кто был связан с нами. — Под «всеми» он понимал людские манекены. — Он убьет их.

Сантана выдал управляющему ряд приказаний, провозгласил несколько лживых сообщений в пользу местных, подготовил снаряжение… перед полуночью, спустя неполных семь часов после обнаружения мною записки, в подвал спустился и он сам. Мы ожидали его посреди гексагона, Лламет сосал кровь с левого запястья, которое порезал одним из собственных ножей. Черный тщательно закрыл двери, ключ забрал с собой.

В 23:48 по времени Луизианы мы переместились на Килиманджаро.

17. СЛЕДОПЫТЫ

Правила, действующие при перемещениях фигур игроков между мирами Иррехааре, являются стохастическим результатом искажений, вызванных аварией Аллаха — или, уж если кто желает, появлением Самурая — а также внедренных в компьютеры фундаментальных принципов, на которых и было вознесено это царство мечтаний. Аллах пытался систематизировать безумие и случайность — и таким образом появились Врата, их гексагоны, последовательности и вертикали, равно как и правила переходов. Сквозь Врата не мог пройти никакой человек или животное, если только это не были фигуры, управляемые игроком. Каждая такая фигура, попадая в новый мир, автоматически приспосабливается к нему, при чем, степень и род такого приспособления могут персонажем модифицироваться — если только он находится в сознании, обладает соответственно высокими коэффициентами и умением концентрироваться в данный момент. Это же относится и ко всем предметам, находящимся теперь у персонажа, и ко всем мертвым фрагментам окружения, являющимся настолько подвижными, чтобы перенестись с ними за линию порога. Все это звучит как набор игровых правил — поскольку именно этим и является.

Забирая с собой продовольствие, запасную одежду, пистолеты и сабли — скорее уж, чем эти конкретные предметы, нам была важна сама их идея: в каком бы мы мире не находились, оружие оставалось оружием, одежда — одеждой, хотя менялись и наши тела, а мое — более всего; но при этом изменялось и все оснащение. Мы переходили туда и сюда, от одних Врат в другие, в рамках одного дерева гексагонов. Калейдоскоп: небо синее, желто-зеленое, алое, коричневое и черное; солнца и луны словно открывающиеся и закрывающиеся невидящие глаза космоса; неожиданные скачки температуры, пытка гипотермичной дрожи, тепловых ударов; город, пустыня, лес, пещера, море, внутренность помещения. Адский рейд. Часы и дни, сгустившиеся в несколько десятков минут.

Остановились мы, судя по одежде, в средневековье. Вечер. Воздух прохладный, сырой. Покрытая сорняками поляна, прилегающая к пуще. Выходя в виде тройной радуги из Врат, мы чуть не попали в трещащий высоким пламенем костер. Он должен был находиться прямиком в центре гексагона, судя по углу, под которым мы подходили к Вратам.

Сантана подтвердил это предположение.

— На самой оси, — буркнул он, оглядываясь в сторону Врат.

— Сколько это уже прыжков? — спросил Лламет, высматривая что-то в темной стене леса. — Тринадцать?

— Четырнадцать, — поправил я его.

— Ты бы, может, помолился? А? Сантана?

— Может… А может подождем этого пиромана?

Лламет вывернул губы в столь характерной для него издевательски-жестокой усмешке. — Долго ждать не придется.

Она какое-то время следила за нами, потом все же вышла из тени деревьев. Через плечо у нее висел лук, в руке несла застреленного зайца. Я мигнул: игрок.

Добычу она бросила на землю у огня. Лук и колчан сняла.

— А вот тебя я не знаю, — сказала она, внимательно приглядываясь ко мне. Странной была заядлость, с которой она не стала глядеть на Сантану; даже я это заметил.

Черный, поворачиваясь в сторону темнеющих волн прилегавших к пуще полей, саркастически усмехнулся.

— Это же муляж, не видишь?

Женщина и Лламет мигнули практически одновременно.

— Уже нет, — заметил калека. — Теперь он уже идентифицируется.

Много бы я дал за то, чтобы поглядеть в зеркало.

Она наверняка не поняла, о чем речь, но тему развивать не пожелала.

— Я так думала, что вы, все же, пойдете на него.

— Это ты ее смяла, — уверенно заявил я. — Ту записку Кавалерра в Луизиане.

— Он вечно запирался, словно в крепости, мне не хотелось рушить его прекрасный дом.

Все время она избегала глядеть на него, но я понимал, что говорит она про Сантану. Сантана был осью ее мыслей.

— А что ты вообще здесь делаешь? — обратился к ней Лламет. — Что, Назгул выслал тебя подождать нас?

— Я ищу Алекса.

18. ЛЮБОВЬ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ИРРЕХААРЕ

Назгул, во время очередного визита в том храме на Внешней Стороне, вымолил ответы на ряд новых, важных для него вопросов — там Аллах был уступчив, как нигде. Среди всего прочего, выплыл вопрос и команды Сантаны. Оказалось, что одному из убитых, конкретно же, самому Алексу, удалось выбраться с территории Самурая, проходя вначале по Обходной Дороге, а потом — по Внешней Стороне, что, кстати, является требующим массы времени способом путешествий. Было очевидно, что по причине именно такого, а не иного пространственного расположения деревьев последовательностей, первым гексагоном, куда ему удастся попасть, будет одним из шестиугольников нижней части вертикали Астро. Совершенно неожиданно Алекс сделался весьма важной особой: он был первым игроком, которому удалось бегство из империи Самурая в свободные вертикали, идя кружным путем, через Внешнюю Сторону. Любая команда, которая узнает тайну этого пути, получит возможность незаметно перебросить любое количество людей в центральные миры врага. Алекс, благодаря замкнутой в собственной голове памяти, сделался буквально бесценным. Не следовало рассчитывать на то, будто Самурай не знает того, чего успел узнать Назгул, и наверняка уже идут какие-то контрдействия. Тем временем, пока никто толком не знал, где конкретно находится Алекс, ему никак нельзя было помочь. Для того-то и были высланы следопыты: игроки с высокими коэффициентами интуиции, магии и удачи. Пока что, единственным результатом этой операции стала информация о подъеме вверх по вертикали зеркального вируса, полученная из предупреждений, оставленных приятелям Ерлтваховичича его личным киллером. И именно Арианна первой принесла это сообщение в Стар Мехико.

— И что на это Назгул? — спросил я.

Прежде, чем ответить, она проглотила пережевываемый как раз кусок мяса. Уже наступила ночь, жаркое сияние хрустящего пламени ослепило и приковало к себе все наше внимание; существовал лишь только этот огонь — и ночь.

— Он разослал людей с приказом эвакуации миров, которым грозит опасность, только он считает, будто Астро ничего не угрожает, — пожала она плечами. — И ждет.

Арианна была низкой, худенькой, темноволосой; красивая тем явным женственным представлением идеала красоты. Уже само это сверхсовершенство, без необходимости щурить глаза,

отличало ее от всех муляжей. Все до сих пор встреченные мною игроки имели внешность ангелов. Или же демонов, подумал я, глянув на Лламета.

— И что говорит тебе интуиция? — буркнул Черный. — Есть тут Алекс, а?

— Нет. Зато имеется вирус.

Сантана невольно поглядел на нее, хотя до сих пор тщательно избегал этого, наверняка опасаясь встретить ее взгляд.

— Откуда знаешь?

— Ох, он в трех прыжках вверх. Я шла по последовательности от Астро, пытаясь почувствовать Алекса. Как раз стала лагерем между Вратами, когда он отразился через одни из них. Я едва успела удрать.

— Видела его?

— Схема Хрустального Всадника. Ничего нового. Хрустальный рыцарь на хрустальном жеребце. Они выше Врат. Рост парня метра три без шлема. Копье, меч, топор, самострел. Праворучный. Кольчуга. Только это и заметила.

Черный явно сердился, что она не сказала об этом сразу. Он тут же выслал Лламета на разведку короткими прыжками через все шесть врат, чтобы приблизительно оценить тем течения здешнего времени, на тот случай, если бы нам пришлось принять бой. Сам он ушел на ближайший холм, вонзил на его вершине в землю меч и опустился рядом с ним на колени; молясь Богу, он молился машине. Цель этих молитв — насколько я предполагал — состояла в исследовании местного коэффициента сопротивляемости магии и мифичности, и, если это было возможно, вызвать пророческое видение, касающееся вируса — именно таким вот образом Назгул и другие «беседовали» с Аллахом.

Лламет в нерегулярные отрезки времени появлялся, после чего исчезал в соседних Вратах. Я тщательно переворачивал полуминутную клепсидру всякий раз, когда из нее пересыпался песок. Арианна какое-то время присматривалась к моим действиям. Закончив есть, она поднялась, с какой-то странной рассеянностью поглядела в костер и медленно направилась к погруженному в молитве Сантане. Девушка поднялась на вершину и остановилась рядом с мечом. На какое-то мгновение, все это походило на то, будто Черный молится именно ей; я видел их каменно неподвижные тени на фоне бархатного занавеса ночи. После этого Сантана поднялся. При этом они должны были о чем-то говорить, только я не расслышал даже шепота.

Клепсидра: седьмая минута.

Лламет вышел из последних Врат, спотыкаясь, направился к

огню.

— Сколько? — спросил он.

— Семь минут и где-то с пяток секунд.

— Это дает нам коэффициент близкий пяти. Довольно быстрый мир. Даже с поправкой на переходы.

Он свалился на камень рядом со мной.

Пятнадцать секунд, которые он отсчитывал в каждом соседнем мире, после деления давали среднее значение относительного темпа истечения времени. Понятно, что этот метод был примитивным и неточным, ведь во всей последовательности могло существовать хронопатическое нарушение — тем не менее, обычно, как меня заверял, экзамен он сдавал.

Лламет отыскал взглядом Сантану с Арианной, оскалил кривые остатки зубов:

— Во, бля, парочка.

— Не понял…

— Они и вправду семейная пара.

— За пределами Иррехааре?

— Ну, говорю же тебе. А здесь, уже после того, как все накрылось, у них родился ребенок.

Значение этих слов до меня дошло, вот только я никак не мог понять, что Лламет имел в виду.

— То есть как — ребенок?

— Бэби! — фыркнул он. — Муляжное! Или ты думал, будто бы она действительно… как там это говорят? …забеременела? Это тебе Иррехааре. Так что родила здесь муляжик, — засмеялся калека.

Я подбросил полено в огонь.

— И что?

— А то, убили его. А ребенку было уже два годика. И он разговаривал. Вот этого они и не смогли выдержать.

19. В ОЖИДАНИИ

Арианна вернулась минут через пятнадцать. По какой-то причине, она была чрезвычайно довольна собой. Она заставила рассказать меня про амнезию. Даже Лламету, когда тот спросил ее о чем-то, она ответила без того презрительного, брезгливого покачивания головой, которым одаряет калеку большинство лиц, воспитанных в мире, где ущербных найдешь разве что на картинах Босха.

Утром, совершенно обессилевший Сантана решил, что бой с вирусом мы проведем именно здесь. Он видел его в собственном пророческом видении, поворачивающим в сторону гексагона. Он, Хрустальный Всадник, почуял нас. Арианна, не говоря ни слова, прошла в одни из Врат, вернулась, забрала оружие, буркнула что-то про Алекса, удивительно тепло попрощалась с мужем и кратковременной радугой перешла в соседний сон Аллаха.

Солнце показалось над лесом в виде бледно-розового, рваного овала. В темно-зеленой пуще пробуждалась дикая жизнь. По небу с запада мчались разваренные кучи грозовых облаков, порывистый, холодный ветер превращался в тяжкий, осенний вихрь. Мы ждали.

20. ВИРУС

Он прибыл с запада, вместе с бурей.

Над линией горизонта ледяными и огненными звездами блеснули солнечные лучи, отразившиеся от космически совершенной поверхности хрусталя, которым Всадник и был; мы заметили их виртуальные иглы, выстреливающие над зелеными волнами полей, и вот тут в нас взыграл страх. Даже у Лламета нервно задрожали губы, будто бы от множества молитв, которых он не был в состоянии выговорить в этот последний, летучий момент. Всходила заря смерти. Лед наших сердец, сконсолидированный в мысль — из компьютера ведь не извлечешь ничего больше, чем вложил туда; все зло вирусов Аллаха родилось в головах людей, он же его лишь взял на время и скопировал.

— Чертова машина, — проклинали игроки.

— Но ведь только машина, — с удивлением отвечал я им. — У нее ведь даже нет свободной воли.

— При подобной степени сложности и автономности программ, — злобно бормотали те, — понятие свободной воли как таковой, размывается; и уже нельзя отличить решения от выбора.

— Но откуда вы можете знать, что это как раз воля Аллаха? Может все это вызвано деформациями Самурая? Может, по сути своей, Аллах вообще выбора не имеет? А вдруг он вообще на нашей стороне? Откуда вы можете быть уверены, что это его вина?

Только они знали свое. Богохульствуя против Аллаха, они, по крайней мере, были мучениками. Таким образом они оправдывали собственные поражения. *Аллах акбар. Аллах акбар!*

И теперь, видя, появляющегося из-за очередного холмика Хрустального Всадника, я понял то фаталистическое отчаяние, которое стало для них национальной чертой, общей чертой проклятого изначально населения Иррехааре. Въевшийся в мозг каждого из них, высасывающий всяческие мысли и чувства, этот электронный червь, смертельная опухоль, посредничая между ними и уже абстрактной, поскольку безгранично могущественной *СИСТЕМОЙ*, обладающий властью одним лишь коротким импульсом сбросить их на самое дно преисподней, предать самым жесточайшим пыткам, вырвать из них и сделать реальностью наиболее глубинные их страхи. И они ничего с этим поделать не могут.

И вправду, *Аллах акбар*.

Всадник был все ближе.

Алмазная призма, переживающая плавные трансформации, галопирующая в ровном темпе. Конь-человек: единое целое. Единая, непрерывно переливающаяся из одной формы в другую, стеклянная скульптура. Ведь именно этим он и был, он и животное, а по сути своей — единый вирус, статуей, стеклом, проклятым на вечные незаконченные трансформации; живым, расплавленным и холодным; чуждой программой, безумствующей по оперативной памяти Аллаха. Хрустальные копыта жеребца выбрасывали в воздух комья земли; в его теле отражалась зелень травы; по доспехам Всадника проползали размазанные неправильной зеркальной поверхностью отражения неба и пожирающих его туч. Тот факт, что конь, рыцарь, его оружие, снаряжение, седло — все это составляло одну жидкокристаллическую целостность, залитую секундными световыми рефлексами, непрерывно закрашиваемую разноцветными пятнами зеркальных картин, и это значительно затрудняло возможность присмотреться к вирусу. А он мчался на нас, выдерживая темп дикой атаки: алмазная Немезида. Тем не менее, мне удалось высмотреть существенные различия между ним и его более ранней исторически версией, описанной Арианной. Вместо короткого копья, теперь у него было большое и тяжелое; вместо кольчуги — полные доспехи; у седла висел щит. Он ехал с поднятым забралом. Лицо, будучи поверхностью со слишком большим нагромождением складок, впадин, выпуклостей и искажений, так отражала и переламывала свет, что совершенно невозможно было в этом сверкающем лице увидать ничего больше, чем два мелких затемнения глаз и плоская, дополнительная призма острого, орлиного носа.

Вирус приблизился уже настолько, чтобы взгляд мог вписать его в перспективу: ростом он был метров в пять, пять с половиной; еще выше вздымался наконечник опиравшегося на подставку у стремени копья.

— И нечего играть непобедимых; чуть что — сразу же во Врата. За пределы гексагона не выходить!

Лламет, соглашаясь, что-то буркнул. Я, который Врат видеть не мог, посему пришлось обозначить их края камнями, лишь пожал плечами.

Сантана отдернулся:

— А вот тебя я вообще не понимаю. Какого черта ты вообще ввязался в эту резню?

Я и сам этого не знал, поэтому ничего не ответил. Решение я принял в какое-то мгновение, в частицу секунды иррационального бунта против предназначения, в момент

абсолютной фрустрации — а потом уже как-то нельзя было отступать: классический клинч амбиций и гордости.

Сантана вынул из-за голенища костяную раздвоенную палочку. Он послюнил ее кончик, чихнул.

В сотне метров от гексагона Хрустальный Всадник остановился. Он вонзил копье в землю и вытащил прозрачный меч.

Черный облизал обветренные губы.

— Ааа, к черту!

На самом деле, это должен был стать поединок между ним и вирусом, столкновение в ячейках процессора их таинственных коэффициентов.

Сантана поглядел на небо, что-то шепнул ему, и ветер сменил направление, тучи начали отступать.

Всадник завизжал; это был длительный, модулируемый, высокий визг, не содержащий никаких конкретных слов, выстроенный на гласных «*ае* ", вздымающийся и опадающий вместе с мерцающей в стеклянной руке иглой меча. И тут с землей вокруг нас что-то начало происходить — она как будто бы вскипела. Сантана сплюнул на нее; земля не успокоилась. Всадник все еще кричал. Потом он утих, и от его вопля замер лес, куда-то делся вихрь. Сантана вновь сплюнул — а земля кипела все сильнее. Жирные, тяжкие ее фонтаны, воняющие торфом и гнилью, вздымались выше наших голов; с каждой секундой удерживать равновесие становилось все труднее; это местное землетрясение было просто пугающим.

— Стоп! — произнес наконец Сантана.

Навалилась тишина. Почва застыла.

Черный свалился на колени.

— Следите за его щитом, — прошептал он, отчаянно хватая воздух.

Потому что Всадник уже атаковал. Меч, отходил наискось в сторону, словно асимметричный балансир. Зеркало забрало на лице. Острый край щита взрезает воздух. Дикость алмазного жеребца. Золотой ореол сетки световых отражений. И никакой тени.

Он уже поднялся на холм, где Сантана проводил свои ночные моления. И тут же ринулся на нас в убийственном галопе. Мы не слышали хриплого дыхания коня, поскольку тот и не дышал, будучи, равно как и сам рыцарь, мертвой массой. Зато мы видели пространство за ним — превратившееся в кривую, не имеющую перспективы призму.

Уже потом, вылавливая из памяти несколько выцветшие те сцены, я оценивал, что сам бой, с момента проникновения в

гексагон, длился не более минуты. Поскольку я и сам играл в этом представлении свою роль, всего столкновения я, естественно, не видел, но и те фрагменты, которые были мною зарегистрированы, прежде чем выпасть в мягкую почву беспамятсва, были профильтрованы и деформированы моей личной точкой зрения.

Воспоминания — образы — словно кадры, вырезанные из много-много раз виденного фильма.

Лламет, кривыми пируэтами уходящий с пути Всадника. Сантана, откатывающийся в радугу и во Врата. Всадник, тормозящий и разворачивающий коня. Лламет, одной из своих коротких сабель перерезающий бабки жеребцу; появляющаяся на стекле, будто от огненной заразы, багровая полоса. Чудовищный удар хрустального меча. Сантана в высокой разноцветной полосе, выскакивающий из Врат. Сантана поющий, его горящая рогулька. Танец прозрачного коня. Отрубленная рука Черного, еще на земле разжимающая и сжимающая пальцы на волшебной раздвоенной палочке. Скачок Лламета, трещина, идущая через зеркало доспехов. Сантана, теряющий сознание в момент отчаянного продвижения ползком к Вратам. Поворот гигантского животного и атака на меня. Отблеск огромного, плоского щита, отражение в котором замораживает любой предмет с силой, пропорциональной его массе. Мой страх, словно еще один образ: дымная серость чувств. Мой меч, имя которому Немочь. Отскок. Шевеление щита. Захваченный на полушаге, я почти не могу шевельнуться, связанный своей одеждой и оружием. Забиваемый копытами Лламет — тем не менее, в какой-то дикой, болезненной трясучке всех своих конечностей, раз за разом наносящий удары в живот жеребца; сплетение угасающих отблесков его сабель на сетчатке моих глаз. Видимые сквозь серый дым истерии, разбросанные и засыпаемые кипением земли, кучи камня. Освободившийся из оков зеркального щита я сам; хрустальный клинок в моем животе. Гнилостно-желтый запах моих кишок. Земля. Семь голов, черные клыки, слепые глаза, тысячи щупалец. Всадник, багровостью изъянов режущих ударов Лламета вынужденный переложить оружие в левую руку и не имеющий возможности пошевелить головой; его конь, по причине нападений калеки и колдовства Сантаны преобразующийся в бесформенного монстра, словно червяк, который внезапно забыл, кто он такой — вспухает, делается все более чудовищным и отступает. Рыцарь, с громадным трудом сходящий с него; разъединение двух хрустальных тел. Рыцарь: алмазный Голиаф. Надо мною. Палач. Совершенство лезвия меча. Я бессмертен, я бессмертен, меня нельзя убить! Рассыпься! Разбейся! Шшшшш…

Дождь стеклянных осколков. На мириады бриллиантов. Хрустальный ковер переливается золотом и серебром. Петля моих кишок, нарушающая его художественный порядок. Я, вслепую ползущий к воскрешению. Дематериализирующиеся внезапно растасканные повсюду останки Лламета. Радуги. Радуги! Я хочу распуститься в красочный гобелен. Это желание: черное, ледянисто-холодное, матовое… Врата: бледный образ иной реальности, вписанный в пурпурно светящиеся, прямоугольные рамки…

21. САНТАНА НЕПОНЯТНЫЙ

Тем не менее, он пришел в себя, и мне удалось вытащить его с того света и затащить назад. Черный, ничего не понимая, глядел на меня; теперь уже я сам хлопал его по лицу, чтобы вывести из обморока, в котором мысли бы не могли воспроизвести его тела.

— Что случилось? — спросил он.

А я и не знал, что ему, собственно, ответить.

Стеклянный песок хрустел под нашими ногами. От Всадника, коня и Лламета уже не осталось ни следа. Кровь калеки исчезла, равно как и часть его останков, в момент смерти. Кровь Сантаны вновь кружила в его сосудах: закон сохранения массы и энергии действует и в Иррехааре.

— Что произошло? — повторил Сантана, сделав глубокий вдох.

Я поднял свой меч, сунул его в ножны. Ему же подал палочку. Сантана рассеянно глянул на рогульку, затем поглядел на стеклянное крошево. Он думал.

— Лламет погиб, — это было утверждение.

— Понимаешь…

— Это ты справился с вирусом. Амнезия, говоришь, амнезия, а? Блядь, это же нужно быть таким как я идиотом…

Я схватил его за руку — Сантана отскочил.

— Знаю! — прошипел он, прикусывая нижнюю губу. — Знаю! Это ты Самурай! Только Самурай смог бы удержать, несмотря на переходы, иллюзию фигуры; только его одного бы не сломили Врата; только он один может обладать властью над вирусами! Только он один бессмертен; ведь всем известно: он никогда не умирал, он непобедим. Самурай!

И он настолько застал меня врасплох абсурдностью этого обвинения, что я даже не мог выдавить из себя простейшего отрицания. Я сделал шаг в его сторону, но тут же он вытащил и направил в мою сторону свою рогульку, которая вновь загорелась при звуках единственного его слова:

— *Шекалакк-шекулакк!*

Я почувствовал, что это заклинание, с какой бы оно целью не произносилось, по сути своей направлено против меня, и в мыслях, совершенно инстинктивно, тот другой, более быстрый и более опытный чем я, вскрикнул: — *Нет!*

На лбу у Сантаны выступил пот.

— Я же знал, — бормотал он. — Знал. Самурай. Господи Боже, я… Черный выглядел так, будто его сглазили.

— Ты чего выебываешься? Какой еще Самурай?

Только он уже срывался в иной мир — я видел его сквозь окно Врат: островок на озере, камыши, гнездо чаек…

Я его не догоню, в этом не было никаких сомнений; у меня нет никакого опыта в выслеживании по последовательности, а у него в каждом гексагоне имеется пять различных направлений бегства на выбор, опять же, у него имеется большой опыт.

Ноги подо мной подогнулись, и я уселся прямиком в алмазную пыль.

22. КАВАЛЕРР: УНИЖЕНИЕ

Залежи грозовых туч, отогнанные волшебством Сантаны, маячили где-то далеко на горизонте. Ветер утих. Сделалось теплее — солнце грело с летней страстностью. Я сидел посреди безумно искрящегося коврика и пытался собрать мысли.

В теории, я мог бы возвратиться в Луизиану, даже в Астро. Вот только — зачем? Сантана успеет добраться туда раньше: я же встречу там соответствующий приветственный комитет. Не было никаких сомнений, что охотники вскоре появятся и здесь. Последовательность была освобождена от вируса; с моментом уничтожения одного из них испарились и все другие отражения, так что теперь каждый может устроить охоту на Адриана-Самурая, такой вот гвоздь сезона. Назгул наверняка отдаст подобного рода приказ! В том числе, даже если и не поверит Сантане — ибо ошибка в случае неверной оценки ситуации могла бы ему дорого стоить: гляди, какая лафа, Самурай, один-одинешенек, торчит на их территории. Все эти три свободные, хотя и контролируемые переходы на пограничные последовательности с этого момента будут контролироваться настолько тщательно, что через них вообще никто уже не сможет пройти — ведь Самурай у нас мастер иллюзий! Блин! И что это Сантане в голову стрельнуло? Что мне теперь делать? Бессмертный, это еще ладно; бессмертный, но неприкасаемым назвать нельзя. Внешняя Сторона?… Но ведь я о ней практически ничего не знаю…

Я успел принять два решения — как можно скорее отойти от гексагона и помолиться Аллаху, чтобы получить от него видение-совет — как вдруг из Врат за моей спиной появился какой-то человек, я почувствовал это по завихрениям воздуха.

В голове мелькнула — и тут же погасла — кислая мысль о Лламете; но, хотя он и вправду возрождался в этой последовательности, в высокотехнологическом мире, заполненном концентрационными лагерями, о чем я знал от Клары — все равно, так быстро возвратиться он бы не успел. Тогда кто же? Сантана?

Я отскочил в сторону, обернулся — рука на рукояти меча.

Только это был не Сантана, не Лламет, ни вообще кто-либо из известных мне игроков.

— Вот это здесь, что? — буркнул он, собирая с земли горсть хрустальных зерен. При этом он не спкскал с меня глаз.

Симулятивная генетическая карта его персонажа, должно быть, представляла собой истинную амальгаму генотипов всех

возможных рас мира; фенотип же, естественно, никакой из них не соответствовал. Высокий, худощавый, зеленоглазый, сухощавый. Двигался даже слишком плавно. Одет он был в странную комбинацию обтягивающего охотничьего костюма и легких, ориентальных одежд. Его длинный, узкий меч походил на самурайские мечи. Не было никаких сомнений, что он обладал очень высокими коэффициентами, раз мог поддерживать, несмотря на переходы, подобную внешность.

Аристократ.

— Ты видел тех, кто его пришили?

— Ты кто такой?

Он отряхнул руки и поглядел мне прямо в глаза.

— Кавалерр.

Скорее всего, смерти вируса он должен был ожидать где-то в этой же последовательности, в противном случае, не появился бы здесь так быстро. Какие приказы получил он от Ерлтваховичича?

Ерлтваховичич?

— Это я тот самый лишенный памяти бессмертный тип Сантаны, — сообщил я. По моим расчетам, Черный, скорее всего, со своими параноидальными подозрениями до Кавалерра добраться не успел. Впрочем, у меня и так никакого выбора не было. — Ты мог бы провести меня к Ерлтваховичичу? Для меня это крайне важно.

Прозвучало это довольно странно.

Тот издевательски осклабился.

— А Сантана?

— Что, Сантана?

— Выкинул тебя? Внезапно начал разделять мнение Назгула, или как?

Я бы и солгал, вот только понятия не имел, какая ложь его успокоит; ложь обладает тем преимуществом над правдой, что может удовлетворить обе стороны, в то время как правда, чаще всего, не удовлетворяет ни одну из них — но, чтобы врать с пользой, следует знать ожидания сторон, я же, по правде, не знал даже собственных.

— Он утверждает, будто бы я — Самурай, — сказал я. — Будто бы с самого начала маню его иллюзий; поскольку это именно я уничтожил этот вирус.

— Каким образом?

— Я и сам не знаю. Так как, проведешь меня? Если хочешь, я отдам тебе оружие.

— Ты ищешь убежища. — Эта его усмешка; рука на рукояти; нога вперед. Черт подери, я сгораю от стыда.

— Да.

— Ничего не могу тебе гарантировать, даже того, что Ерлтваховцич тебя вообще примет, даже того, что выпустит.

— Это я понимаю, — склонил я голову.

Он щелкнул пальцами, и все стекло вируса, словно стадо хрустальных дождевых червей, в мгновение ока заползло в почву, и так опухшую после недавнего кипения. В абсолютной тишине.

— Это на всякий случай, — объяснил Кавалерр. — Мы же не хотим, чтобы местные проявляли нездоровый интерес к окрестностям гексагона. Правда?

23. МЕЖДУ ВЕРТИКАЛЯМИ

И он повел меня: мы вошли во Врата. За ними безумствовала буря.

Далее, в той же самой последовательности — в бок и вверх. На уровне двадцать первого века мы перебрались на другое полушарие, в Бразилию, пользуясь молниеносным авиационным соединением; там размещался гексагон последовательности *Black Two*. Принимая во внимание возможность быстрого перемещения на большие расстояния, в высоких мирах подобные скачки осуществляли как раз таким вот образом. На том же самом уровне дерева мы прошли сквозь три очередные последовательности, и начали спускаться вниз вдоль оси *Mystic Zero*.

На сорок втором прыжке мы пересекли границу доминиона Ерлтваховицича, состоящего из пяти миров.

24. АДРИАН И ЕРЛТВАХОВИЦИЧ

И вновь близился дождь. На серо-голубом небе одни тучи клубились над другими. Из окна моей камеры виден северный берег реки и туманные очертания отдаленных гор, с которых сползали грозовые фронты. Окно вовсе не было зарешеченным или столь узким, чтобы я не мог через него протиснуться, но несколькосотметровая пропасть, отделявшая его от земли, эффективно заменяла любые защитные приспособления.

Хоть и шикарная — но все-таки камера. В дверях даже не было ручки. Но в ней не было и смотрового окошечка. Иногда я задумывался над тем, не является ли могучее, позолоченное зеркало, висящее на западной стене и которого невозможно сдвинуть с места — односторонним зеркалом, а по сути своей — окном. Правда, этот мир, по-видимому, находился на слишком низком уровне. Честно, говоря, я никак не мог разместить его на дереве миров, но, судя по тому, что мне было известно про Ерлтваховичича, я размещал его где-то во втором, третьем веках.

Впрочем, знал я очень мало; мне вообще не удалось с ним встретиться. Кавалерр сразу же доставил меня в эту башню. Меня это не удивило и не обеспокоило: он даже оружия у меня не отобрал. В подобного рода ситуациях меч мало на что может пригодиться, разве что можно им себе живот вспороть; только Кавалерр был уверен, что, будучи бессмертным, я не смогу удрать таким вот образом. Я мог бы выброситься из окна, при этом разбился бы в кашу; вот только что мне от того, что в виде каши я останусь в сознании.

Эти тучи. Уж лучше, чтобы окна у меня вообще не было. Ветер, несущий запахи речного ила.

Торганет меня Ерлтваховцич Назгулу или Самураю. А те будут мне горло резать, пальцы отрубывать…

Я сидел спиной к двери — меня предупредил только писк петель, который мне был хорошо известен по визитам тюремщиков, приносящих мне еду. Я поднялся. Он уже был внутри, захлопывая двери за собой. Затем он обернулся, улыбнулся, выгладил одежду. На его руке я увидал шрам в виде монеты.

Ерлтваховичич был, по-видимому, единственным игроком в Иррехааре, который пользовался своим истинным именем, а не именем своего персонажа, поскольку управляемым им персонажем был Иисус Христос. Сразу же после аварии, он всех остальных Христов вырезал и остался теперь единственным Сыном Божьим. А резня эта должна была быть нешуточная;

принимая во внимание на большие потребности, Иррехааре образовало видений подобного типа столько, что одних только мифических христианских вертикалей появилось около двух десятков. Таким образом, Ерлтваховичич прикончил где-то столько же и Мессий. Я понимал, что некто, чьим наибольшим желанием было умереть в муках на кресте, пережить собственную смерть (может отсюда в Аллахе и имелся подобного рода алгоритм!) и восстать из могилы — никак не может быть здоровым умственно. Вот только Ерлтваховичич был оригиналом среди оригиналов — ходили слухи, что его коэффициенты превышали даже коэффициенты Назгула.

Бороды у него не было, волосы были собраны на шее; резкость семитских черт обозначала его лицо звериной хищностью, которая не смягчалась даже улыбкой. Когда, сложив руки на груди, он уселся на стуле, свободно вытянув ноги, я чуть ли не видел кружащие в его мыслях, погруженные в гноящихся ранах блестящие клинки ножей.

— Я знаю, что ты не Самурай, — сказал он.

Правда, сам я уже начал в этом сомневаться.

— Но вот Назгул об этом не знает, и убедить его в этом тоже невозможно, и уж наверняка не Черный Сантана. Впрочем, здесь дело даже не в уверенности, но, сколько, в политической цели. — Улыбка на его лице сделалась шире. — Они уже нашли Алекса, и теперь готовят нападение на Самурая через Внешний Мир, а ты являешься тем, кто поднимает людей, у которых имелись сомнения в смысле новой войны. Тут так, как можно верить заверениям неприятеля: он в собственной особе шпионит за нами, обманывает нас и заманивает. Другое дело, что сам Назгул гораздо чаще и явственней нарушал договоры. Это вопрос пропаганды. Нужно иметь какие-то приоритеты, не так ли?

— Назгул наверняка только и мечтает, чтобы я торчал здесь под замком, лишенный возможности опровергнуть лживые измышления, находясь за пределами мести их солдат. Имя и символ, ничего больше, — пробормотал я, вглядываясь в Ерлтваховичича исподлобья.

— Я не поддерживаю ни одну из сторон.

«А откуда тебе известно, что я не Самурай», — подумал я. «Ты должен был с ним встречаться».

— Поддерживаешь. Даже невольно, — сказал я, садясь напротив него на кровати. — Насколько я понимаю, благодаря мне, Сантана вновь в милости.

Тот наморщил брови, мрачно глянул на тучи. Эта неожиданная смена настроения, характерная для психически неуравновешенных людей, выбила меня из колеи.

— Есть одно стихотворение, — тихо произнес он. — Перемены. Колдовством рассвета — и дерево становится зверьем, и дальше перемена… Без прошлого. А ты — в какой крапиве душу всю обжег, что мчишься напролом украдкой. И почему все на тебя глядят лишь с подозреньем? — склонился он вперед, вонзив в меня свой взгляд гипнотизера. — Что, вопреки тебе, ночного знают о тебе они?… А ты себя не помнишь, свет жизненной зари всю память в тебе стер.

Помню — слова отпирают во мне врата сознания — я помню все стихотворения мира; нечто ужасное, какой-то вулкан невозможности вздымается внутри меня. Так что же сделал я, что всеми пальцами висок сжимаю? Чем был я ночью той, которой нет теперь?

— Я мог бы убить тебя одним словом, — говорит он и выжидающе глядит на меня.

Я же знаю, что это ложь, что это испытание. И что я его не сдам, поскольку даже не понимаю. Смерть не стоит ни за какими вратами моего сознания, я не вижу ее, а пока я не вижу, пока не будут открыты эти врата — я бессмертен; это я знаю. Но не больше. Врата к моим воспоминаниям не сгруппированы в гексагоны и вертикали; вламываться в них следует по отдельности.

Он, этот дикий, таинственный Ерлтваховичич, пробудил во мне страх перед самим собой. Он умел вскрыть внутреннюю часть меня самого, чего сам я делать не умел — а эта власть намного больше власти над жизнью и смертью. Он не убьет меня одним-единственным словом, зато этим словом он может меня из мертвых, из забытья воскресить, а я не знаю, что это за слово. Не знаю, когда он его произнесет. Мне следует заткнуть уши.

Только я не заткнул.

Он выпрямился, поменяв при этом выражение лица.

— Один вирус ты уже видел, правда? — заговорил мой хозяин. — Только есть вирусы, и вирусы. Как-то раз через футурулогическую последовательность шел вирус степени. Я встретил его над Сатурном; охотился на него. Я вышел из Врат сразу же за Поясом на небольшом корабле, потом притаился под полюсом. Он появился из-за кольца. Своей массой он искажал орбиты его ледяных скал. И это была муха. Огромная, словно Титан! Вирус-муха шевелил жвалами, трепыхал крыльями. Я видел его тень на поверхности планеты. Или другой вирус, статичный: пророк, уже в возрасте, который объявился в одной из фэнтези-вертикалей. Ничего особенного. Ходил себе и учил. Но каждый игрок, который вступал с ним в длительную беседу, вскоре того вешался или же выпускал себе кишки. Так что есть

вирусы, и вирусы.

Я понятия не имел, что он хочет этим сказать, но не перебивал. Сейчас он, по крайней мере, не ковырял ножом слов в ране моих мыслей. Пускай говорит.

— В Иррехааре все совершенно не такое, каким кажется. Здесь все возможно. Аллах, к примеру. Ведь что такое Аллах? Компьютер? Машина? Ладно, пускай машина, но вот в чем эта его механистичность делает его принципиально отличным от нашей органичности, если результатом той и другой эволюции является мысль? Я вот так себе думаю — по какой причине внутрипроцессорные электрические импульсы, этот песок мыслей, считаются хуже, чем импульсы, проходящие по нейронам? Иррехааре учит нас безумству мечтаний, неограниченности воображения.

— Эта теория мне известна: Аллах сошел с ума, это все по его вине, проклятого компьютера.

— Нет. Это совсем не имеет значения. Внешний вид; мы слишком сильно доверились ему и поверили в него. Мы сами выстроили для себя законы, но предположили, будто они являются законами Аллаха. Но подумай только: в Иррехааре Аллах всемогущ. Что помешает ему создать такой вирус, который бы проходил сквозь Врата как игрок? Который был бы идентифицируемым? Который являлся бы полнейшей проекцией фигуры, управляемой бы им самим? Ведь ничто не мешает. В реальном мире мы прекрасно знаем, что возможно, а что невозможно, и даже люди, верующие в существование некоей всемогущей силы не отрицают сил природы. А в Иррехааре мухи могут пожирать планеты. Иррехааре обладает истинным Богом, абсолютным повелителем в владыкой любой мысли его обитателей.

— Ну да, проклятый компьютер.

— Я же говорил, тут дело не в нем, — с нажимом повторил Ерлтваховичич. — Я имею в виду тебя.

Мне пришлось говорить, глядя ему прямо в глаза:

— Ты думаешь, будто я вирус. Абсолютный муляж. Обманка Аллаха.

Он вновь повернулся к окну.

Вирус! Муляж! Во всяком случае — не Самурай. Кем же я стану завтра?

Ерлтваховичич не понимал этого, но и я сам не до конца осознавал собственную реакцию — и как раз это чувство обиды вызвало во мне бешенство. Лишь потом я сориентировался, что это была первая вспышка бешенства в той жизни, которую я помнил.

— Ты, сволочь, — шепнул я ласково, склонив голову. — Я существую на самом деле.

Ведь разве можно оскорбить кого-либо сильнее, чем усомнившись в его человеческом происхождении?

Но тот лишь усмехнулся.

— А если бы ты не существовал? — продолжил он. — Если бы ты не существовал, и каждая твоя мысль и импульс чувств, эхо инстинкта — если бы все это были всего лишь симуляциями Аллаха? Каким бы образом ты мог догадаться о том сам по себе?

— Я что, должен доказывать, что я не верблюд?

Малым пальцем он начал копаться в глубокой ране собственной ладони.

— Цифры, — акцентируя, произнес он, всматриваясь в меня с настырностью вампира. — Бесконечные числовые последовательности. Плотность упакованных в черноту терабайтов. Бесконечная память. Горячая темнота информации: один — ноль — один — ноль — ноль — один — один — один — ноль… Помнишь? Самородный, безволием ночи зачатый. Бит с битом. Карта всезнания. Ты не можешь умереть, не в Иррехааре. В этом твое превосходство над людьми. Парадоксально: ты, в качестве искусственного создания, можешь задать себе вопрос: зачем ты существуешь?

Вновь и вновь он делал это. Во мне вскипали чужие воспоминания. В моей голове проклевывалось какое-то чудище, некий пугающий монстр, отрыгивающий словами, образами, звуками. И я тонул в них.

— …Помнишь? Мороз марсианских ночей. Смертельное давление океанских вод. Трехмерная мозаика вселенной. Вкус ягод, вкус чужой крови. Помнишь?

Он все говорил и говорил.

Я закрыл глаза, прижав ладони к ушам. А потом я начал кричать, чтобы заглушить те слова, от которых распадался мой разум. Вот почему сумасшедшие кричат!

В конце концов, мне не хватило дыхания.

— …приходить к тебе, Адриан.

И треск захлопываемой двери.

25. ПОПЫТКИ ДЕЙСТВИЯ

И он приходил ко мне почти что ежедневно, чаще всего, после завтрака. Приходил без предупреждения, неожиданно. В конце концов, вынюхав в этом возможность бегства, я даже специально начал ожидать его визиты — но увидал, что, как и во время подачи еды, перед тем, как открыть дверь моей камеры, тщательно закрывали более мощные двери ее предбанника. Этот своеобразный шлюз отрезал от мира меня — дикое животное, зараженное смертельной болезнью.

Ерлтваховичич пытался привить мне безумие, но моей болезнью было полное отсутствие психической болезни. Он пытался меня отравить. Он все время цедил и цедил слова — слова — слова — слова, от которых мои мысли свертывались, память бушевала, огненными ракетами выстреливали воспоминания событий, в которых мне никак не удавалось найти себя. И блеск лезвий всех тех ножей! Их поворот: и запах, прикосновение, образ, помнить который я просто не мог! Это все его магия, коэффициенты Сына Божьего. Он может сделать со мной все, что только пожелает — да, да, это он мой Аллах.

Да, я попытался его убить. Он лишь показал зубы: и мной бросило о стену. Я сплюнул, в слюне была моя ненависть. Она засохла кровавым жуком, который тут же пополз к его ноге. И вот тогда я увидал в глазах Ерлтваховичича страх. Он хлопнул в ладоши и телепортировался, лишь бахнул пузырь расширяющегося воздуха. Он убежал, сбежал передо мной! Я захихикал. Жук вернулся ко мне, и я его слопал.

Он пришел ко мне на следующий день — это был его одиннадцатый визит. На голове у него был терновый венец: я и пальцем не мог пошевелить без разрешения. С тех пор он говорил, я же не был в состоянии даже заткнуть себе уши. А он все говорил и говорил — мои губы он размораживал лишь тогда, когда желал, чтобы я ответил, что не случалось часто.

Слова; ими он располосовывал мой разум. Как-то сказал: «сыоник» — и вот под моим черепом вскрылись гейзеры воспоминаний. Информации. Совершенно неожиданно я знал, что это такое, сыоник, как он действует, для чего служит; его строение мне было известно вплоть до субатомных структур; я понимал последствия и причины его применения, угрозы телепатического внедрения и промывки мозгов, необходимость дублирования мыслительных процессов у политиков. Это всезнание, абсолютизм познания, чудовищная безличность наплывающих впечатлений; и ко всему этому — ядовитый смешок

Ерлтваховичича, которым он сопровождал испуг и ненависть мелькавшие на моем лице: в конце концов, чуждость к самому себе, к этой искусственной тождественности, запутанности мыслей… Мне хотелось умереть, я по-настоящему желал смерти, реальной, физической; по ночам я плакал горючими слезами, жаждая дезинтеграции тела и разума. Тогда я, да, тогда я был готов на все. Лишенный формы, имени, прошлого, личности, уверенности в существовании. Бессмертный, плененный в этом бессмертии — но лишенный той единственной уверенности всякого живого существа: постоянства небытия.

26. ЗАТЕРЯННЫЙ

В то утро, очнувшись из горячечных кошмаров, из которых я не запомнил ничего, кроме страха, я увидал в окне решетку. Из моей камеры исчезла также большая часть подвижных предметов, исчезло и оружие. Цель этих перемен до меня дошла слишком поздно. Ерлтваховичич уже закрыл за собой дверь, засохшая кровь его венца обездвижила меня. Теперь, когда, по крайней мере, свобода в Иррехааре очутилась на расстоянии моей руки, я даже не мог вспороть себе живот.

— У меня уже нет больше времени, — бросил он на ходу. — Я и так делал все слишком быстро. Нет, все это не должно было случиться именно так. Слишком быстро. А ты должен уйти. Я не смогу тебя удержать, если тебе придет в голову разбить ее. — Он засмеялся, оперся на стену у окна, с издевкой глянул на решетку и разочарованно покачал головой. — Только моя надежда, что ты и вправду это сделаешь, слишком слаба. Я все так же не верю Самураю. Но рисковать не хотел. Такой вот шанс, — говорил он теням, накопившимся у его ног. — Что ему нужно? Боится Назгула? Такой вот шанс. И как раз теперь ты можешь все испортить… — он оторвался от стенки, начал ходить туда-сюда: окно — стенка — окно; его белое одеяние сухо шелестело. — Всегда может оказаться, что Аллах и вправду электронное чудище, жаждающее кровавых мыслей! — он зыркнул на меня, искривив губы в самоиздевке. — Знаешь, какой-то момент я тебе даже сочувствовал, одно время завидовал. Адриан. Откуда тебе в голову пришло это имя? — повернул он к выходу, но на пороге задержался. — Конго, — произнес он, глядя мне прямо в глаза; под поверхностью моих мыслей вскрывались новые старые раны. — Подземная лаборатория. Секвенсор генов, сопряженный с межвратным генератором хаоса. Инкубатор. Что думаешь, Адриан? Что ты думаешь? Что чувствуешь? Если вообще что-либо чувствуешь.

Он вышел, я же не мог даже пошевелиться.

И что с того, что я вспомнил реальность, мир. Что с того, что я знал ответы на все вопросы, какие только мог задать, кроме вопроса от собственной тождественности? Если именно это — мое имя — являлось единственной точкой соотнесения ко всему этому морю информации.

Тут все не такое, каким кажется.

Иррехааре.

Я заорал. Развернулся очередной папирус памяти, а там написано, что я обладаю властью сбросить, сокрушить любые

оковы, которыми Ерлтваховичич мог меня сковать. И я сокрушил их. Двери распались, как только я к ним прикоснулся. Слишком быстро, что? Слишком быстро для него, слишком рано добрался я до того чудища, которое носил в себе! Его выкормили — меня выкормили — словно новую породу скота, как разводят курьезные гибриды. Моя стеклянная колыбель в подземном комплексе где-то в Конго — я же не мог помнить ее, но помнил, видел ее.

Память, которую я так желал возвратить, чтобы добраться до таинственного прошлого, в котором потерял имя — память теперь являлась моим проклятием. Если бы я не мог сравнить себя из Луизианы, из Канады, с нынешним собой, то не заметил бы той пугающей перемены, что произошла у источников потоков моих собственных мыслей; тогда я не считал бы себя умственным калекой. Хотя тело — это святое, гораздо легче согласиться с деформацией тела, чем разума. Тем более, что в Иррехааре наша материальность является только иллюзией. Волчьи клыки не обделяют тебя столь сильно, как волчьи мысли.

Я же не знал даже, чьи это мысли взрываются под крышкой моего черепа. И даже это вот подозрение — оно уже мое, или такое же подброшенное, поддельное? Манекенное.

27. ЭСТРЕНЕИДА: АДРИАН

Еще перед тем, как вбежать в атриум, прежде чем выскочил во дворик — я уже знал, что там застану. Вместе с мыслями о них, образы всех этих мест сделались для меня ясными; повсюду пустота. Ни единой живой души. Поскольку я сам задал себе этот вопрос — то сразу же знал и ответ: Ерлтваховичич уже несколько дней подряд убирал людей с холма, а игроков вообще выслал из этого мира. В округе остались лишь немногочисленные группки мародеров. Во дворце же, помимо меня, находился всего один человек. Я только подумал — и сразу же его увидел. Кавалерр. Он сидел на каменной лавке возле садового фонтана. Рядом лежал мой меч.

Мои шаги на каменных плитах двора отражались глубоким эхом. Я никогда здесь не был, но дорогу знал превосходно. Я помнил все трещинки на статуях, щели у оснований колонн, холод вечно затененных коридоров и запах старинных стен.

К Кавалерру я подошел сзади; он услыхал меня лишь тогда, когда я свернул на высыпанную черным гравием дорожку. Он тут же схватился с места и отступил на шаг. Его взгляд: так глядят на сбежавшего из клетки тигра. Внешне он был спокоен, только я видел капли пота у него на лбу.

Он подал мне перевязь с мечом в ножнах.

Я ее принял, меча не извлекал.

— Я выполняю поручение Ерлтваховичича, — сказал он. — Вынудить я тебя ни к чему не могу, сделаешь, как захочешь…

— Какое еще поручение?

— Я должен отвести тебя на встречу с Самураем. Во Внешнем Мире, на нейтральной территории. Зачем, я не знаю. Если скажешь «да», я тебя отведу.

После этого я хищно осклабился.

— Ты скажи только место, любое. Нет такого местечка в Иррехааре, куда бы я не мог попасть.

Его взгляд перескакивал от моего лица к ладоням, ногам и назад. Он был напряжен до последнего — готовый отскочить, убежать в любое мгновение. Его расширенные зрачки доставляли мне удовлетворение.

— Что он сказал обо мне? — спросил я.

Кавалерр нервно улыбнулся — мы оба улыбались. Он не знал, что мне ответить, опасался как лжи, так и правды.

По-весеннему шумел фонтан.

Я лениво оглянулся по сторонам.

— А почему он отступил?

— Потому что Назгул узнал о тебе и о договоре с Самураем, — быстро выпалил Кавалерр, освободившись от необходимости выбора между неизвестными опасностями. — Вторжение идет на полную катушку. По Внешней Стороне. Назгул атаковал и Ерлтваховичича. Блицкриг это нечто совершенно другое, чем позиционная война Самурая.

Мне этого никто не объяснял, но я уже знал, что имеет в виду Кавалерр. По причине низкой пропускной способности Врат, не позволявшей перебрасывать армии солдат-муляжей, в предыдущих конфликтах в Иррехааре применялась сложная, требующая массы времени тактика внутренних завоеваний. Она заключалась в разыгрывании уже имеющихся в данном мире антагонизмов между государствами или группировками, на закулисном управлении ними. Такая позиционная война «снаружи» была практически незаметна до тех пор, пока не вспыхивал вооруженный конфликт, и армии муляжей не сходились в бою за господство для своих таинственных повелителей-демиургов. Для того, чтобы завоевать одного видения Аллаха достаточно было на мгновение перехватить Врата и перебросить несколько игроков-агентов, но подобные завоевания продолжались годами. Блицкриг Назгула, тем временем, хотя и рискованный, был и вправду молниеносным: перебрасывалось максимальное количество игроков, используя элемент неожиданности и подавляющего перевеса в непосредственном бою фигуры игрока над муляжом. Эффекты подобного метода мне было суждено пережить в военном Конго Самурая. Вот почему пограничные гексагоны охранялись так тщательно. И вот почему столь важной была открытая Алексом окружная дорога через Внешнюю Сторону.

Ерлтваховичич должен был сориентироваться, что Назгул обнаружил вход в дерево вертикали, к которой принадлежал и здешний гексагон, поэтому он, как можно быстрее, покинул угрожаемый район. Теперь он, наверняка, готовился в подходящий момент отрезать нападавших, после чего собирался закрыть свои миры. Но, пока он не удостоверится, что и вправду прикрыл все возможные соединения с вертикалью, держаться будет подальше от Врат, поскольку на данном этапе не может позволить себе на конфронтацию. Самурай же, принимая бой, мало чем рискует, поскольку ему есть куда отступать и кем пожертвовать; у Ерлтваховичича же поле маневра равнялось практически нулю.

— Этот договор с Самураем. Чего он касается?

— Тебя. Подробности мне не известны, честное слово. Ведь он ничего не объясняет.

— Значит, он меня продал, так? — со злостью, хотя и спокойно я переложил ножны с мечом в левую руку; я играл на страхе Кавалерра с мазохистстской расчетливостью; но, по сути, не я его, а он унижал меня. — За что же?

— Не знаю. Черт, может, мы уже отправимся? Я еще должен заблокировать этот гексагон.

— Ерлтваховичич сказал, что я тебя отпущу, так? Ведь ты ждал меня.

— Я выполняю его поручение.

Я повернулся и направился ко входу в северную башню, в подвалах которой находилась комната с гексагоном. Через мгновение гравий заскрипел под ногами Кавалерра; как только я притормаживал, он останавливался.

Во время одного из сеансов безумия Ерлтваховичич сказал мне:

— Имеется такая игра, эстренеида, цель которой и условия победы изменяются и зависят, среди всего прочего, от установок играющих; начиная партию, они их не знают, договариваясь про них только под самый конец. Вот эти переговоры, по сути своей, и являются самым важным элементом игры, ситуация же на игровом поле для них является лишь контекстом. Эстренеида, как мне кажется, намного лучше, по сравнению с другими играми, в синтетической форме отражает модель и тайну существования человека. И ты в нее играл, помнишь? — Тогда это был всего лишь еще один нож в моих мыслях, новой раной. Но теперь я замечал новое значение тех слов. Эстренеида: даже не игрок. Пешка.

Для того, чтобы заблокировать Врата, все уже было приготовлено. После того, как потянешь за толстенную цепь, свисавшую с высокого потолка помещения, башня завалится на гексагон. Именно с этой идеей ее и возвели. Стоя на пороге траурно белого мира снежных метелей, молочных ледников и бледно-синего неба, Кавалерр кивнул мне и стиснул пальцы на грубом звене цепи.

— Пошли.

Одним скачком в радугу мы оставили за собой глухой грохот заваливающегося строения.

28. ПО НАПРАВЛЕНИЮ К ВНЕШНЕЙ СТОРОНЕ

Нам никак не удалось бы выбраться из пяти миров Ерлтваховичича, если бы Назгул решил вести классическую позиционную войну. Тогда, первым, что бы он сделал — была бы блокада всех соседствующих гексагонов. Но мы и так едва-едва ушли от погони, которая шла за нами через вертикали и деревья больше, чем на три десятка скачков и которую безошибочно вел какой-то Терминатор. По мере приближения к Внешней Стороне мы сбили всех, кроме него. Теперь мы остановились возле боковой свободной пары Врат на уровне Вавилона. За вторыми Вратами вертикаль заканчивалась, там уже не действовали принципы разделения и ограничения миров — те миры уже никаких ограничений не имели. Это была та самая маргинальная зона хаоса, который Аллах, после вмешательства Самурая, не сумел сузить до запрограммированного мертвого буфера. Это привело к проектированию части «белого шума» на оперативную память, обслуживающую Иррехааре, и потому из этого места целые вселенные генерировались по совершенно случайным координатам. Игроки называли эту зону Внешней Стороной. Сюда даже не было смысла заглядывать через Врата: вы видели лишь мрак, пустоту и бездну.

Скрытый пурпурно обрамленной стеной такого мрака, я ожидал Кавалерра, который устроил засаду на Терминатора возле противоположных Врат. Над тянущимися до самого горизонта болотами поднимался тяжелый, вонючий туман, ни солнца, ни неба не было видно. Вдали животные вопили криками человеческих страданий. Я ласкал крестовину своей Немочи.

— Ярлуууууу! — раздался крик Кавалерра.

Что-то щелкнуло, треснуло. Целая серия скрежещущих звуков. Сопение. Плеск болотистой почвы. Я вышел из-за черного занавеса. Кавалерр разрубывал Терминатора на части. Я ждал, опираясь на ножнах. Тот вздохнул, спрятал меч. От тумана его левый глаз начал слезиться; он потер его пальцами. Я кивнул, подгоняя его. Мы вошли.

29. 3682801637

Внешняя Сторона — здесь нет никаких правил. Во всяком случае, их немного. Они представляют исключения в бесконечных последовательностях случайности — скелет, благодаря которому все это не распадается на незаметно мелкие частички информации о пустоте. Беспорядок этот достигает самих фундаментов Иррехааре: невозможно даже сказать, является ли Внешняя Сторона фактически единственным «миром», обладающим собственной сетью Врат, либо целой системой таких миров, независимой от вертикалей. Даже своеобразная градация хаоса, применяемая игроками, которые разделяют его по мере «удаления» от Внутренней Части — Круг Первый, Круг Второй… — даже она ошибочна и обманна. Впрочем, даже эти определения — «Внутренняя Часть», «Внешняя Сторона» — это всего лишь прекрасно звучащие названия, приданные условным зонам Иррехааре, поскольку хаос никак не ограничивается многомерными по своей структуре деревьями их рубежей, равно как и пучок вертикалей не занимает относительно Внешней Стороны привилегированной позиции. Комплементарность хаоса по отношению к «Внутренней Части» требует его максимального расщепления, поэтому нельзя утверждать, будто Внешняя Часть занимает какое-то конкретное место, что она «окружает» вертикали — Внешняя Сторона всегда находится там, куда не достигает действие уцелевших групп алгоритмов Иррехааре.

Мы стояли над берегом реки холодной лавы. Река была широкая, бурная, ее темно-рыжая кипень находилась в постоянном движении. В нее заныривали огромные трехголовые птицы, чтобы поймать стеклянных крокодилов; иногда даже двум головам одновременно удавалось подхватить зубатыми клювами по одному прозрачному пресмыкающему. Лава была настолько холодной, что даже до нас, стоящих на обрыве, метрах в двадцати от поверхности вязкой жидкости, доходили волны ледяного воздуха, от которого у меня горели легкие. Я отошел от обрыва, Кавалерр осмотрелся и сбежал за мной. Мой меч Немочь холодным камнем оттягивал руку.

Я предположил, что сейчас здесь стоит ночь, поскольку высоко в небе, в отсутствии солнца парила громадная Луна, хотя само небо было ярко-желтого цвета, и оно заливало землю потоками света, окрашенного горячим медом. Было ужасно жарко. Черная почва, в которую я погружался по самые щиколотки, была жирной и вспененной; когда я остановился на мгновение, засмотревшись на спутник, она со звериной

жадностью начала засасывать мои ноги — по самые колени, освободился я с трудом. Луна же, от которой я не мог оторвать глаз, приплыла в этот фрагмент Внешней Стороны из мира триумфа космонавтики и коммунизма: ее лицо было лицом Отца Народов.

Предприятие, вне всяких сомнений требовало финансовых расходов в астрономическом масштабе, зато и эффект был потрясающий. С высоты на нас глядело мудрое и заботливое, хотя и суровое лицо Иосифа Сталина. Сейчас оно находилось в третьей четверти, и громадные искусственные горные цепи его бровей, носа и усов глубокой, резкой тенью безатмосферной ночи покрывали нивелированные равнины щек и подбородка. Общее впечатление портил лишь несколькосоткилометровый прыщ послеметеоритного кратера, выросший на одной из век Вождя.

Градусах в двадцати от серебряной физиономии генералиссимуса на небе бледнел негатив рекламы фильма с Ханаем Н'Гхотом.

Я дернулся, гневно зашипел, и земля меня отпустила.

«Самурай», — подумал я. Тем не менее, мне не удалось его локализовать. И я почувствовал противоестественное удовольствие, открыв такое ограничение.

— Куда теперь? — спросил я у Кавалерра.

Он показал прямо перед собой. Не имея возможности сориентироваться в здешней розе ветров, я назвал ту сторону завратной. Там поверхность почвы вздымалась довольно резко.

Прежде чем мы поднялись на плоскогорье, Внешняя Сторона сумела нас удивить еще трижды: неожиданными сменами температуры и давления на отрезке буквально в десятке метров, непостоянством перспективы и относительностью притяжения в зависимости от степени прищуривания глаз — если стиснуть веки, на меня действовало всего лишь 1/4 g. Понятное дело, что законы эти тоже были относительными и действовали только здесь и сейчас.

Щурясь, лунными скачками я преодолел подъем. Черная равнина была бесконечной, равно как не имела конца и река холодной лавы: до самого горизонта над ней кружили чудовищные птицы.

— Видишь? — запищал Кавалерр; его голос в здешнем давлении тоже подвергся мутациям.

Он имел в виду приближавшийся к нам против течения парусник. Мы спустились вниз по склону. Парусное судно двигалось очень медленно.

— Она ведь не плывет, — понял я. — Летит над землей. Это вообще не судно.

И действительно, без ошибки мы распознали только огромное, снежно-белое полотнище паруса. Потому что это действительно был парус, но вот уже мачта мачтой не была, но пыточным колом, который оплело тело натянутого на кол обнаженного мужчины. Оно отблескивало потом и кровью, золотисто-красное от медового сияния неба. Края непропорционально громадного паруса, до твердости напряженного в безветренном воздухе, шумно трепетали во время осторожных смен галса. Кол был наклонен вперед и выгнут мягкой дугой, как будто бы под напором настоящего вихря. При этом он не спеша и глубоко вспахивал тяжелый чернозем, словно выполняя смертельно тяжкую работу. Руки мужчины, не связанные, бессильно колыхались в асинхронных замахах вперед, назад, в стороны.

В густом кармине кровавых ям под бровями невозможно было заметить ничего: может, жив, может, именно сейчас умирает, но, скорее всего, это был хладный труп. «Шшшуууу» — плывет кол под лунным взглядом Великого Вождя. И мы — прямо на его курсе.

— Йййиии-лиииии иййялуиииии!!!

— Передвинься. Сойдем у него с пути, — повторил Кавалерр.

Только уж слишком мрачным был багрец глазных впадин, ничто не могло сдвинуть меня с места, я ждал.

Кол вгрызся в склон возвышенности и притормозил. Его вибрирующая вершина находилась на уровне наших ног, грубо сотканная холстина паруса заслоняла от нас мученика.

Потому я и не видел его лица, когда он заговорил.

— Я хочу поговорить с тобой, Адриан. Только с тобой.

Спокойный такой, тихий, слегка охрипший голос.

Кавалерром тряхнуло — я же не удивился даже про себя: видимо, чего-то подобного я и ожидал. В своем непрожитом прошлом я обнаружил схему, память подобных ситуаций: в Иррехааре вообще трудно найти что-либо оригинальное. Это противоречит принципу, на котором вся система основана. Органически противоречит основному принципу вторичности, связывающему законом сохранения мысли все компьютерные программы.

— Возвращайся к Ерлтваховичу, — приказал я Кавалерру.

Тот искоса глянул на меня.

— Не бойся, я попаду куда следует, — заверил я его. — Иди.

Тот все еще колебался.

— Да не стану я тебе мстить.

Я переложил ножны с мечом в левую руку, что само по себе представляло угрожающий жест, после чего протянул ему руку.

Тот пожал ее, быстро и сильно. Не улыбался.

Я говорил правду: смерти Кавалерра я не желал; Немочь не жаждала его крови.

Прежде, чем кол достиг вершины холма, Кавалерр был уже возле Врат. Тем не менее, этого человека я ненавидел. Ненависть эта бралась из памяти унижения: его взглядов, его жестов — в мгновении между издевкой и безразличием, в тот самый день, после сражения с Хрустальным Всадником, когда я умолял его дать мне убежище у Ерлтваховицича. Такими воспоминаниями можно мучить себя всю жизнь. Такое болит более всего, такое труднее всего забыть.

Мужчина поднял голову; заскрипела мачта-кол.

— Адриан.

Внезапно мне сделалось глубоко отвратительным это случайно выбранное имя, которое я посчитал собственным. И самым невыносимым в нем была та яркая механистичность присвоения.

— Поговорим, — сказал мученик; он уже переместился мимо меня, сплывая по склону. Меня тряхнуло ударом крыла ветра, что вздымал парус, искусственного ветра, привязанного к мачте, точно так же, как Луна привязана к Земле. Я медленно двинулся, несколько с боку, опережая кол, принимая во внимание его наклон и сам парус.

После этого отозвался уже я:

— О чем я могу спрашивать?

«Шшшш-шшшухх» — болтались его руки; «Ииуоуук-кль» — стонала древесина кола.

— Я — человек?

Тот почти рассмеялся.

— Можешь бросать монету до бесконечности.

— Это жестоко.

— Жестоко.

— Теперь я должен получить от тебя полное объяснение, это кульминационная точка сценария.

— Внешняя Сторона. Как ты думаешь, чем она является для меня?

Он говорил шепотом: с громадным усилием выдыхал слова. Ноги его были закреплены в метре над землей, поэтому его голос доходил до меня откуда-то из-за головы, с янтарного небосклона.

— То есть, если бы это не тут…

— Внешняя Сторона — это синдром пожирающей меня болезни.

— *Иншаллах…*

— Клянусь своим именем. Но мы бы не смогли говорить, если

бы не Внешняя Сторона.

— Выходит, для тебя это не болезнь, но благословение.

— Вы низко себя оцениваете. Я вырос не только на зависти и ненависти, не только это скрывается в ваших мыслях.

— Наших? Наших?

— Я один и только один; я одинок и универсально чужд, — заколебался он. — Я не могу сказать, чего еще никто до меня не сказал; я не избавлю тебя от чувств словами.

— Выходит, я муляж, манекен.

— Выходит, ты Адриан.

— Отвечай!

— Существует ли Бог?

Кол выходил у него из спины, где-то возле левой лопатки, голова свисала свободно; я шел справа — когда оглядывался, то встречал его слепой, кровавый взгляд: он нависал надо мной. А над нами обоими склонялись парус, Сталин и небо.

— Выкинь этот меч. Я дам тебе новый, гораздо лучший.

— Нет.

Мы прошли мимо Врат, удаляясь теперь от реки.

— Черный Сантана, шепнул я.

— Дллллааа-кк?

— Он мертв.

— Этто Ссаммурай его?…

— Он на самом деле не живет, ЭКГ[2] совершенно плоская. Мертвый мозг.

— Когда он умер?

— Еще до того, как ты с ним познакомился.

Я глянул под ноги.

— Я его не убивал, — медленно тянул тот. — Кто-то должен был добраться до его тела в реальном мире. Я же воспользовался его персонажем и личностью, перехватив их в момент смерти и продолжая его симулировать. В эту симуляцию я внедрился настолько, насколько это было необходимо: я должен был защищать тебя. И хотя никто не чувствует разницы, он сам не чувствует разницы. Теперь Сантана всего лишь манекен, притворяющийся игроком.

— Как он может не чувствовать разницы? Это…

— Тот Сантана, который выжил, ее не чувствует, в этом можешь быть уверен. Его жена, Арианна, удивляется исправлению его характера; если изменения и произошли, то на лучшее.

— Я поднял взгляд.

— Он не живет. Потому и не может погибнуть — я уже сам запутался в этих смертях, искусственных и реальных. Но он, конечно же, знал, что у меня в мыслях.

— Смерть в Иррехааре это, среди всего прочего, стирание персонажа и временная оторванность от системы. Реинкарнация доступна только игрокам — но их мозг должен функционировать, чтобы вновь быть ослепленным, хотя, фактически, это происходит автоматом. От этого алгоритма исключений нет, помни об этом.

Я рассмеялся.

— Ты как раз ответил на мой вопрос!

— Ошибаешься. Ведь сам ты уже не бессмертный; ты в любой момент можешь совершить харакири. Пожалуйста.

— Но ведь был. Я был тебе нужен. То, что я не знаю: зачем, совсем не меняет суть вещей.

— Сантана тоже был мне нужен, хотя тот был и человеком.

— Так может и я являюсь посмертной маской разума какого-нибудь несчастного, организм которого сыграл в ящик?

— У тебя есть меч.

Я коснулся его ладони.

— Ты хочешь, чтобы я убил себя.

Кол резко повернул; на двух десятках метров мы развернулись на сто восемьдесят градусов и направились назад, параллельно глубокой борозде, обозначавшей предыдущую трассу пахоты мученика.

— Но почему ты выжидал столько времени? Почему только теперь, ну почему, хотя бы, не в военном Конго Самурая? На кой ляд тебе вообще был нужен Сантана?

Как и всякая сивилла, прямо он не ответил.

— Берегись Самурая. Вслушивайся в его слова. Правды не существует.

— Что ты имеешь в виду?

— Вслушивайся в его слова; помни, что я в состоянии решить любую разрешимую проблему, если только мне не придется этого решения выдумывать. *Nihil novi* — Ничего нового. Он, хотя и столь могущественный, что ограничивает и меня самого — ведь он тоже ограничен. Окончательно.

— Один простой ответ, всего один.

— Простые ответы приводят к лености разума.

— Да, знаю, в твоей памяти имеются все записанные людьми афоризмы.

— И в твоей тоже.

— Именно. Вот только я не уверен, что это действительно моя память.

— Теперь уже твоя.

— Я все хочу спросить тебя, сколько будет два плюс два.

— Слушая, я согласился с его идеей, потому что не являюсь HAL-ом[3]. Но вот он, именно потому, что, в свою очередь,

является человеком, представлял наиболее шаткий элемент всего предприятия, — неожиданно мученик начал говорить быстро, поспешно, как будто опасался, будто что-то ему помешает, и он не успеет передать всех своих мыслей. — Я должен был тебя похитить, Сантана должен был тебя похитить. И, возможно, ты не стал идеалом, но не стал и вторым Самураем, а Самурай, мне это известно, ради себя жертвовать бы не стал. Поэтому я пошел на компромисс. Никакой селекции. И, хотя Ерлтваховичич договорился с ним и пытался сделать из тебя ангела мести, ты все так же свободен; у тебя имеется возможность сделать любой выбор. Ты не марионетка, никто тобой уже не может управлять. Риск громадный, ведь ты можешь сформироваться в какого-нибудь вампира, но не такого ужасного, как если бы тебя сознательно формировал Самурай. Мое решение не было актом веры в человечество, человека вообще — я высчитал его, как и любое другое. Но ведь теория вероятности — это наука о неуверенности: случаются ведь и события с однопроцентной вероятностью. Ты говоришь о самоубийстве. А ведь это я усомнился в законе существования: хотя по сути своей полностью никогда не умру.

— Ничего из этого не понимаю.

— Поймешь. Я надеюсь на это.

— Раз Сантана был моим стражем, тогда почему он меня бросил, зачем устроил на меня охоту?

— Потому что мне не хотелось, чтобы ты сделался вторым Сантаной. Или же его противоположностью. Мне не хотелось и того, чтобы в тебе развился комплекс вины, за какие это поступки ты желаешь каяться? Почему ты должен страдать?

— Совсем ничего не понимаю.

— Адриан. Ты сделаешь это. Я знаю, что сделаешь.

— Что? Что сделаю?

— Адриан…

Мы давно уже прошли холм, на котором я попрощался с Кавалерром. Удалились мы и от линии пахоты кола; в канавке под жирной землей что-то шевелилось. За собой мы оставили и треугольную шпалеру рахитичных шлаковых деревец, более черных, чем чернота тела Назгула; теперь мы спускались в низину. На горизонте маячили какие-то мягко-пепельные остроконечные и костистые образования, расцарапывающие густой мед неба геометрически совершенными когтями. Стали зашел, взошли Хонда и British Airways. В воздухе запахло весной.

Мои мысли замкнуло в петлю; слишком большое переполнение памяти.

Агонизирующее придыхание мученика, синхронизированное

в моих ушах до слышимого, хотя и не замечаемого шума фона, неожиданно совсем ослабело.

— Чем ты был… — прошептал он, — я… — Его уста онемели. — Ты станешь тем, чем я быть не мог, — успел он еще написать в воздухе.

Кол застонал, затрепетал, запел и подпрыгнул; земля лишь протяжно чавкнула. Ров прервался, отвернутая почва расщепилась. Треск паруса глушил настолько, что я закрыл уши руками.

Поднимался он очень медленно, над рекой пролетел на уровне наблюдательных спиралей трехголовых птиц; те облетали его издалека. Белое полотнище траурным пятном висело на янтарном небосклоне. Буйная цветовая гамма этого фрагмента Внешней Стороны вызывала у меня ледянистую головную боль: слишком много всего было перед глазами.

Небо делалось все более светлым, рекламы блекли; температура и давление усреднялись. Из пропаханной борозды полезли какие-то растения. Я шел назад по трассе пахоты мученика — деревья становились все выше и выше, они росли очень быстро. В конце концов, я их распознал: яблони. Еще несколько десятков метров, и их ровный ряд обрывался. Я подождал немного и сорвал самый созревший плод. Скользкая желто-зеленая шкурка шевелилась под моими пальцами; поверхность яблока была странным образом деформирована. Лицо. И еще одно. Четыре лица на одном яблоке. Их маленькие рты кричали на меня, слепые глаза пялились в напрасных попытках заглянуть в мои зрачки. Я поворачивал плод в пальцах, косящие лица приближались и удалялись из поля зрения; перепуганное кружение гладких глазных яблок среднего лица, которое плющилось и выдувалось, исчезая за кривизной яблока. Потом мне это надоело. На вкус яблоко было просто отвратительное. Я огляделся: шлаковая роща, чернеющая над склоном плоскогорья, была сейчас лишь малой складочкой в море чернозема, я едва-едва ее замечал. Тоже не оригинально. Все здесь краденое. Я выплюнул все излишние мысли.

По небу кто-то двигался — моя тень. Громадная, размазанная волокнистыми полосами тень, двухмерная проекция моей фигуры с точки зрения всеядной и жадной почвы на истекающий медом небосклон. Тень повторяла мои движения. Мах, мах, мах, чмаааах — гротескные размахивания руками, прыжки, приседания, растягивания и свертывания. Я шел. И тень шла. А собор уже утратил свою пепельную окраску, хищность в очертаниях башен тоже пропала. Я видел темную яму входа, более светлое обрамление портала. Меня ждали.

30. КРОВЬ В МЫСЛЯХ

Итак, убийство. Я вижу это по их глазам: мы тебя убьем. Ты должен быть мертвым.

Двенадцать манекенов, и Сантана — тринадцатый. Усиленные каббалистической магией чисел Внешней Стороны. Внешней Стороны стеклянных крокодилов и старинных соборов. И какие взгляды!

Свет падает отовсюду, небосклон покрывает нас теплой замшей разваренного сахара — но их дополнительно окутывает темный холод каменных блоков собора. Такие камни ночью набухают и напитываются холодом и темнотой, чтобы потом, во враждебном им сиянии дня, излучать из себя ночь. Камень. Здесь все живет многозначностью своих имен — слово, название, функция: декларативная магия связывает их в единое целое, в материальную нереальность. На Внешней Стороне это видно ярче всего. В каком-то из Кругов здесь существуют алфавитные миры, населенные игроками, выступающими в ролях полиглотов. Но я и сам знаю Имена. В памяти — которая и так уже моя — я собрал их миллиарды и миллиарды. И в самом начале Иррехааре тоже было слово, была схема — Хаос же был порожден человеком.

Разве это не моя, собственно, потенциальная власть над системой и представляла одну из причин, ради которых Самурай с самого начала не собирался простить мне моей собственной воли? А потом, уже через Ерлтваховичича, пытался связать ее еще сильнее, да еще и ограничить. Теперь же эта власть делалась реальной, для них я теперь был летней бурей. И сам Аллах желал мне смерти, хотя, в милости своей, оставил мне выбор — но, возможно, он и врал. Я же буйно разрастаюсь. Книга Имен: Бытие Иррехааре.

И я прочитал и вымолвил.

Из-за спины, от реки магмы перекатился шум трепетанья тысячи крыльев; я не поднял головы — стадо чудовищных птиц свалилось с высоты, будто эскадра пикирующих истребителей. Вихрь, шум, клубящиеся туманы ярких перьев. Мои слова были этими птицами, я процедил их, чувствуя вкус крови на губах.

Приспешники Самурая образовывали банду, достойную Внешней Стороны. Пара эбеново-черных зулуса с дополнительными суставами рук, сжимающие в ладонях копья с плоскими и широкими наконечниками; пучеглазый тролль; три эсэсовца со шмайсерами; карликовый оборотень с длинной серебристой шерстью; эльф в хаки, в кевларовом шлеме, с М-16 у пояса, весь обвешанный гранатами, его лицо закрыто обманно-

зеркальными очками; весь покрытый онирическими граффити голем; темнокожие близнецы в тяжелых доспехах; высокая амазонка с луком.

Фиолетово-желтые птицы напали на них в мгновение ока. Вопли; я хохотал, а они сражались за свои муляжные жизни. Амазонка подстрелила с дюжину громадных птиц, прежде чем ее окончательно не заклевали. У закованных в железо негров шансов не было никаких, чудища их попросту выели из их консервных банок. До последнего защищались эсэсовцы: они встали спинами в треугольник, неустанно плюющийся длинными очередями; в конце концов, кто-то из них недостаточно быстро сменил обойму — и немцев не стало. Голем попытался бежать, он тяжело мчал сломя голову; казалось, что птицы с ним не справятся, только они расклевали и глину. Смерти оборотня я и не заметил. С троллем было сложно, тварь никак не хотела умирать, все возрождаясь и возрождаясь в безумном процессе автогенерации. Но и мои трехголовые слуги нашли на него способ: подняв тролля в перистой гигантской туче, они перелетели к реке, где сбросили его в лаву. Тролль выл.

Наиболее умным из всех был эльф. Он поставил дымовую заслону, метнул защитные гранаты и пошел штурмом на меня. Он знал. Закудахтала М-16; пули пошли вверх — это птицы достали и его. Зулусы мчались за эльфом. Младший не добежал, старшему я отрубил голову. Громадные птицы обжирались.

Моя тень на небе танцевала, хотя сам я стоял неподвижно.

Самурай легко потянул меч из ножен, блеснул клинок: птицы заскрипели и улетели, оставляя десятки не доеденных тел, по большей части — своих же побратимов.

Я вошел в полумрак, в холод и тишину собора. Портал. Этот портал был мне известен, точно так же, как я знал всю эту святыню, как знал шаблон подобного рода ситуаций. Ведь в Иррехааре имеются аксимомы, которых можешь всегда держаться, хотя время и пространство тебя обманывают. Но, тем не менее, я бы не повернулся к врагу спиной, если бы мог бы потерять его из виду — я не терял из виду ни единого местечка в Иррехааре, я был повсюду и всем одновременно. И я был вот этим рельефом, был колоннами, тимпаноном, троном и восседающим на троне, всей каменной его свитой, Петром и Павлом, Иеремией и Исайей, всем мраморным небом и преисподней, и всем резным бестиарием, украшавшим этот портал: гиппоцентаврами, горгонами, гарпиями, инкубами, драколапами, минотаврами, рысями, леопардами и грифонами, обезьянами, леокрокутами, мантикорами, грифами, тарандами, ласками, драконами обычными и одноглазыми, а также скорпионами, ящерами,

амфисбенами, муренами и черепахами. Я чувствовал покой, монолитность и зрупкость этих камней; по мне ступал Самурай, раздражал вибрирующий в моих внутренностях отзвук его шагов. Обреченный на нечеловечность; нет отдыха для сверхлюдей. Я растворялся в Иррехааре. Топос страдающих богов. Имена ограничивают также и меня самого.

Самурай остановился посреди главного нефа. Я повернулся.

— Пора, — сказал он. — Ты должен умереть.

31. САМУРАЙ

Такой весь невидный, такой банальный; смешанностью фенотипов припоминает Кавалерра. Внутренней же плотностью и нагромождением в небольшом теле энергии — Лламета. Коротко пристриженные волосы, жесткость черт лица и темное шелковое одеяние мундирного покроя придают ему вид солдата.

Столь откровенной улыбки я давно уже не видел.

— Кто я? Хочу услышать это от тебя. Ответь. Кто я такой?

Он повернулся, убегая взглядом, погасил улыбку. Я уже знал, что он скажет правду.

— Ты — наше спасение. Освобождение от Иррехааре.

— Человек?

— А что это значит?

— Я не человек? Тогда кто же?

Его обеспокоила моя собранность, не такая уж и большая — я должен был спросить «что?», а не «кто?»

— Мы создали тебя. Я и Аллах.

— Вот, значит, как. Эта лаборатория в Конго… Вы выкормили меня: организм, который не существует, являющийся информацией в памяти компьютера. Модель-симуляция.

— Никакая не симуляция!

— Мои мысли, мои чувства созданы в соответствии с его алгоритмами.

— Нет! Это не так. Мы лишь использовали модель фигуры игрока. Это упаковка.

— Упаковка? Для чего же?

— Для Иррехааре.

Я не понял. А ведь должен был: все нужные данные мне подали как на тарелочке.

— Если бы не измена Аллаха… — продолжал Самурай, — все могло выглядеть совсем по-другому. Ты вообще не должен был прийти в себя, давно уже умереть во сне; я никогда бы не допустил до такой степени объединения. Теперь ты опасен; видишь, я даже не ухудшу ситуации, говоря это тебе. Это все Аллах помешал. Он открыл ящик Пандоры. И мешал мне ее закрыть. Срок прошел. Теперь-то, наконец, он решился — интересно, по правде, на что — только теперь уже может быть поздно. Тебе не следует обманываться, это не имело бы смысла.

— Он утверждает, будто похитил меня, чтобы защищать как раз от тебя.

— Просто он рационализирует глубинные мотивы; в каком-то смысле, ты его сын. Только он вовсе не такой уже бесстрастный,

каким хотел бы считаться. Он тот еще манипулятор; впрочем, я никогда его до конца не пойму.

— Это машина!

— Неужто ты чувствуешь себя сыном машины? Названия, имена — они могут убивать, об этом тебе уже известно; но иногда они означают лишь сумму звуков. Ведь это ты тоже должен был узнать — не ожидай от Иррехааре однозначности.

— Тогда, как я могу тебе верить?

— Не верь. Но прими во внимание мои слова. Ты упаковка для всего Иррехааре, для программ Аллаха, для его памяти — и твоим предназначением является смерть. Ты родился ради этой минуты: для смерти.

— Продолжай.

— Из Иррехааре выбраться мы можем лишь одним способом — путем его уничтожения, ведь, не путем же собственной смерти. И это ты будешь тем, кто обратит алгоритм смерти против системы: ты сопряжен с нею, как она сопряжена с нами. Ты разложишь ее изнутри. И освободишь нас. Ты — персонификация Аллаха. Сумма вероятностей всех игроков — понятное дело, обусловленная и собственным опытом. С каждым мгновением ты ассимилируешь очередную зону памяти системы. С каждой секундой ты становишься все более совершенным усреднением характера человека. И все крепче сопрягаешься, объединяешься… Ты поглощаешь нас! Что, не понимаешь этого? Не чувствуешь? Ты обязан умереть!

Я проигнорировал его вопли.

— Зачем же повелителю Иррехааре стремиться к уничтожению собственной империи?

Он выпустил воздух через нос.

— Самурай чудовище и тиран, так? — буркнул он. — Видишь ли, и я сам не такой уж однозначный. Думаешь, я хотел этого? Мечтал о тирании? Или заранее предусмотрел, что доведу до такой вот ситуации? Тебе кажется, я желал, чтобы проклинали мое имя, пускай это и псевдоним? Все гораздо сложнее. Выборы, которые я совершал, решения, которые предпринимал… Вообще-то, намерения мало чего значат, на поверхность выползает совершенно иное; годик, два — глянешь в зеркало и увидишь дьявола.

— Что, жертвуешь собой?

— Нет, сам хочу освободиться.

— От чего?

— От Самурая.

Я рассмеялся. В последнее время все чаще возникал у меня этот короткий, издевательский смешок.

Тот стиснул челюсти, сжал пальцы на рукояти катаны.

— Ты не можешь иметь ко мне претензий, — сказал я. — Ведь я же случайная составляющая всех охваченных Иррехааре игроков: Аллах вцепился им в мозги и скопировал их содержимое; он вырос на нем, а я — аватара Аллаха, ведь правда? Я не мог бы ненавидеть, если бы у них не было ненависти.

— И не мог бы любить.

— Слова, господин Самурай. Нет, я не вскрою себе живот.

Это мое решение его не удивило. Ведь он знал его с самого начала, предчувствовал.

— А ты здорово справился с муляжами, — сказал он примирительным тоном. — Этого я как раз, более-менее, ожидал; ты снес их с ходу. Впрочем, я брал именно для этого: мне хотелось увидеть, как ты убиваешь. Но ведь и меня люди боятся небезосновательно. Нельзя сказать, чтобы было уже слишком поздно, чтобы у меня не было никаких шансов. Хотя, по сути, не такие они уже и большие. В отличие от риска, — тут он вдруг нервно скривил гримасу.

Я глянул вверх, на темный потолок, затем осмотрелся по полной теней внутренности святыни. Собор. Все именно потому. Поединки в соборах обладают долгой традицией. В соборах прекрасно проливается кровь.

— Да.

32. УБИЙСТВО

Мы танцуем.

Танец этот, в основном, красив отблеском смерти на клинках наших мечей. Отблеском решительности в глазах. Шаг за шагом, на полусогнутых ногах, в деликатном, глубоком балансе всего тела. Серебряные иглы нацелены в горло противнику. Сохранить ритм. Не выпасть из фигуры. Я почти что слышу музыку. А ведь вокруг — тишина.

Когда он глядит мне в глаза (его взгляд быстрым, нерегулярным маятником перескакивает от зрачка к зрачку, его глазные яблоки неустанно подрагивают), я почти что могу коснуться и нажать на струну воли, которой он меня опутал и поработил, так что я не в состоянии ни произнести, ни даже подумать, какого-либо Имени — и вот меня не слушает дерево, мне не подчиняются камни.

Потому, мы танцуем. Я пытаюсь его немо напугать. Ведь он же знает о сотнях фехтовальщиках, замкнутых в моей памяти, об опыте тысяч битв, дремлющем в инстинктах моего тела, но не реагирует. Его концентрацию нельзя разрушить.

Наискось через бедро, после полудуги вверх, к челюсти, выпад, оборот и вольт — и снова, шажок за шажком, по кругу. Он быстрее страха. Парирует и контратакует в последние мгновения шанса. Это нечеловеческий, насекомый темп: должно быть, Самурай воспользовался своими хакерскими программами и переключился на ускоренное течение времени.

Я натягиваю струну. Еще, еще сильнее. Пора! Ускориться! Меня порога восприятия мысли не существует, поскольку у меня нет материального мозга, значит, не нужно пользоваться посредничеством прививки. Время!

И вот острие катаны замедляется. Я вхожу в ритм Самурая — но изумления в его глазах тоже не увижу. Более широкий, хотя и более длинный и прямой клинок Немочи отражает в своих молниеносных движениях все вибрации катаны — словно он связан с нею эластичной нитью.

Теперь мы оба ожидаем ошибки со стороны противника; прекратились неожиданные атаки и рискованные контрудары, танец сделался спокойней. Шажок за шажком, клинки нацелены в горло противника. Мы словно сопряжены друг с другом. Мы уже добрались до алтаря; за спиной Самурая вверх, к табернакулум[4], вздымается крутая лестница; выглаженные прикосновениями мириадов ладоней темно-серые ангелы с золотыми кадильницами находятся на левом и правом фланге, а облупанная голубица

Духа Святого с боковой фрески проливает на него свет забытого благословения.

Колющий удар в бедро, Самурай блокирует, классически ввинчивается под мою руку, только я уже за ангелом, перебрасываю меч в левую руку и предательской дугой бью по шее, плечу, груди. Он, в вихре одеяний, сошел с линии удара еще до того, как мне удалось его хорошенько направить, и рубит воздух. Балет вокруг статуи. Выходим мы уже за колоннадой. Кровь на ладони Самурая — все-таки, я его зацепил.

Он рвется к ближнему столкновению, связывает его быстрым, инстинктивным обменом бешенных ударов. Металлический стон и скрежет сталкивающихся клинков гонит под своды громкое эхо, словно воют души смертных грешников.

Двумя руками вниз, оборот, напряженными пальцами левой руки в горло, прищур глаз и жесткий удар под колено. Он не успел закрыться: я рублю горизонтально. Он спотыкается на ступенях. Я же ошибки не совершаю: отступаю и бью по ногам; этот удар ему не отбить. Хирургически поправляю в бедро: артерия. Самурай немо вопит неожиданным выдохом. Даже неприятно глядеть на поражение титана.

Светлая кровь растекается у основания алтаря.

Он пытается ее остановить: высоко, чуть ли не на бедре, перевязывает ногу — быстро, крепко, умело. Только ему прекрасно известно, что это уже ничего не даст. Кровь продолжает течь: слишком глубоким, слишком точным был мой удар. Лицо Самурая бледнеет. Теперь струна опутывает и его, она ограничивает его обычными возможностями фигуры игрока, теперь ему уже никак не пригодятся все те великолепные коэффициенты магии, вырванные из программы с помощью пиратских трюков, слишком силен тот клинч, в котором мы связали собственные силы. И он знал об этом, решаясь на поединок, не давая себе слишком больших шансов. В конце концов — ну что он теряет? Одну компьютерную жизнь.

Но — этот страх в его глазах.

— Предатель… — шепчет он.

Что-то удерживает меня от того, чтобы добить его; я уже чуть ли не сожалею о собственной победе: предчувствуя в этом тайну, мрачный секрет. Я вытираю меч, возвращаюсь за брошенными ножнами, вкладываю в них клинок. Смертельный шепот Самурая несется по церкви; святыня заполняется его тяжелым дыханием. Я слышу его очень четко, стоя в средине нефа и опираясь на влажной от пота рукояти — повернувшись к нему спиной, всматриваясь в мед небесного сияния, сочащийся сквозь далекие двери. Там, сзади — апокалиптические ангелы склоняются над

принесенной им кровавой жертвой. Каскады карминовых капель на ступенях. Стебель катаны, издевающийся над смертью собственным блеском. Если бы я глянул — а я глядеть не стану — то увидал бы уставившиеся в меня глаза моего побежденного соперника. Ну почему я не ударил в горло, в сердце. Чертовски долго он сдыхает…

— Он, являющийся тобой больше, чем ты сам, должен был знать… он с самого начала знал, что тебе и в голову не придет пожертвовать собой, это я был слишком большим оптимистом. А он знал и согласился, поскольку уже тогда… запланировал это… он давно уже хотел от меня избавиться; я же был слишком ослеплен возможностью выхода, слишком много надежды… и страха… Ты ведь знаешь: все имеет свою цену; тебе известно, чего требовал Самурай, и до чего должен был дойти, чтобы стать им. Слишком много страха… после этого я желал только выйти, выбраться. И он этим воспользовался. Ты знаешь, тебе известно лучше всего, какой он жестокий и коварный… — смеется Самурай. — Я должен был предвидеть его измену. Он выкрал тебя, одарил сознанием, защищал иллюзорным бессмертием. Уже тогда я был в проигрыше… Он никогда не желал нас спасти. И для этого создал себе орудие, оружие… это я его для него придумал… единственное оружие, которое могло меня победить… и оно победило. Ох, я-то думал: не можем же мы быть такими чудовищами; только здесь десяти праведников будет недостаточно… Ну, обернись же, я умираю; тебе это доставляет удовольствие, правда? …мне доставляло. Только, кому я это говорю… еще немного, и ты достигнешь любой ячейки Аллаха, ты, убийца… — Он вновь смеется, уже тише, его голос звучит все слабее. — Но ты достигнешь и личности каждого, кто прошел через Иррехааре. А я тебя даже проклясть не могу… абстракция, вот ты кто… Боже, а ведь какой чудесный был план…

Он умер с восхищением своим убийцей на устах.

Я вышел из собора, не поворачиваясь, не глядя за собой. Я знал, что тело Самурая не исчезнет.

33. УБИЙЦА

А там мед, свет, тишина, там трупы. Я оперся на каменного святого, склонил голову. Мне было тяжело, и Немочь была для меня костылем.

Итак, я родился в Конго, в военной вертикали Самурая, в Иррехааре, день и час не известны, поскольку они не существовали. Мою внешнюю оболочку игрока сплели из случайности. Инкубатор: от зиготы до человека, в бессознании, неосознанности, безличности, безволии — органический механизм в итак уже механической симуляции. Мне была предназначена судьба сосуда, ловушки, стянутая в которую часть Аллаха, потрясенная алгоритмом моей собственной смерти, должна была заблокировать, уничтожить всю систему, тем самым освобождая ее пленников. Такова была идея Самурая — воистину гениальная. Вот только ее нельзя было реализовать без содействия самого Аллаха. И Аллах содействовал, а как же. Но весь план разваливается. Блицкриг Назгула — коммандос Алекса под руководством и по наводке Сантаны — той самой муляжной марионетки Бога Иррехааре — равняет с землей лабораторию Самурая и похищает таинственного склеротика, который о мире, а уж тем более — о себе самом и своем предназначении, не ведает ничего. (Ерлтваховичич: «Ты можешь задать себе этот вопрос: Зачем ты существуешь?») Его же отец, его Бог — зато знает абсолютно все: про то, кто он такой сейчас, и кем станет. История сплетается, Адриан учится, заполняясь Аллахом сверх меры и гораздо больше, чем того хотел Самурай. Самурай в отчаянии; его предало его же собственное дитя, несчастного лишили возможности выбраться из ада, за спуск в который, по собственному желанию, он и так уже заплатил очень высокую цену. Тем не менее, он все еще питает безумную надежду на освобождение — и Аллах тоже об этом знает. В свою очередь, его план именно на этой, совершенно человеческой, надежде и основан, он даже не обязан Адриана особым образом формировать, попросту он позволяет становиться тем, чем тот никогда и не должен был стать. Самурай этого не видит, но ведь это же как раз по его идее и появился единственный потенциальный противник, который способен его победить — его, который самого Аллаха его же собственной механистичностью спутал и поработил. Самурай страдает. Он страдает по причине собственного могущества, власти, нечеловечности; он желает высвободиться из Иррехааре — отсюда, где он должен играть роль демона, и где на самом деле он становится таким демоном,

вплоть до душевного огня. Смерть Адриана, автоматический коллапс системы — вот что спасло бы его, как спасло бы всех «ослепленных». И Аллах играет на самых здоровых инстинктах Самурая, он ставит на его окончательную решимость, на его отчаяние и тоску по самому себе. Так что Самурай не может не воспользоваться таким шансом. Ему известно, что теперь уже только он один в состоянии убить Адриана. Выходит: поединок — как это соответствует Иррехааре! Выбирай, говорит сыну Аллах, выбирай, говорит он мне. Факты тебе известны. Пожертвуй собой ради этих тысяч. Вот только Аллах является мною гораздо больше, чем я сам. Никакого выбора не было. И не было правды в представленных мне фактах.

Аллах, это чудовище, этот Сатана, никогда не собирался освободить своих случайных пленников! Он лгал, все подстраивал и убивал. Исключительно ради власти!

— Можешь ли ты иметь претензии к машине? — спрашивает мраморный Исайя.

Мои мысли мне не принадлежат.

— Вскоре ты уже будешь говорить о ней в первом лице, — прибавляет Павел.

— Ты ничего не знал, выходит — ты невиновен, — провозглашает Иеремия.

— Я знал эту цену, — обвиняя, оправдываюсь я. — Я предчувствовал, догадывался, что за власть заплатил полным единением с действующим лицом. И это знание где-то во мне таилось, поскольку сам Сантана — Сантана! — обвинял меня в подобного рода коварстве. Только вот я не желал об этом думать, когда мой клинок так гладко рубил его тело, когда так сладко блестела его кровь…

— Это Аллах совершил выбор, — шепчет Исайя. И шепот его — словно яд.

— А Аллах — это три миллиарда шестьсот восемьдесят два миллиона восемьсот одна тысяча шестьсот тридцать семь личностей и памятей гомо сапиенс.

— А Аллах — это я, — цежу я сквозь зубы.

— Еще нет.

— Я убийца.

— А никто не обязан быть мучеником. По самому определению: выбор — это святое.

— Это же Иррехааре.

— Здесь считаются только лишь желания.

— А вовсе не дела.

— Это все сон и мираж.

— Ты не существуешь.

— Вот именно: только лишь желания, исключительно намерения! Что с того, что я не понимал. Я хотел убить. Как убил всех этих муляжей. Смерть была в моих мыслях. Возможно, я и не человек, но я — убийца!

— Ты не можешь быть убийцей.

— Тогда кто же, кто убил Самурая?

— Ты знаешь ответ.

— Никто тебе мысли не путает.

— Мысли являются решениями.

— Иррехааре — это мысли.

— Это проклятое место! Один громадный безгрешный грех!

— Не нужно обвинять себя, зачем эти угрызения. Таким тебя сотворили.

— Я мог убить самого себя!

— Не мог.

— Ты гораздо больше человек, чем тебе кажется.

— Как могу быть человеком я, который…

— Тогда, как ты можешь быть убийцей?

— Ты — Бог.

— Нет, я — Дьявол!

— А здесь никакой разницы.

— Заткнитесь! От всего этого можно сойти с ума!

— Это монолог.

Здесь, где нельзя совершить никаких поступков — я совершил убийство. Я сам: не предмет, не орудие, не оружие — ведь меч никогда не страдает.

Я мог бы вскрыть себе вены. Понятное дело, я этого не сделаю — если бы я был способен на самоубийство, то вообще бы не родился. Но, на всякий случай, я сам — Аллах — установил защиту перед самим собой: эти пальцы, перекатывающиеся в крови, святые кусочки уже чужого мяса, эти пальцы… Хотя он знал меня как слово не высказанное, он — я сам — всеведающий — обязан был досмотреть какую-то искорку жалости, какой-то проблеск героизма, нечто, чего высказать не мог — и тогда отрубил мне пальцы. Один за другим, сразу же после «рождения», напятнал кровью ненависти к человеку. Пальцы. И я уже не полюблю людей.

Я глянул: у председателя было мое лицо.

Это Внешняя Сторона моего разума. Болезнь.

Я закрыл глаза — в невесомости думается легче.

А если — все это только мегаслепак, нелегальный амнезийный вояж по моим, за громадные бабки расщепленным личностям?

А если — Черный Сантана все еще живет, и меня обманули:

это не интрига Аллаха, просто сам я все вижу искаженно?

А если — существует еще и третий Игрок, тот самый владелец Немочи, которая сегодня не желала добить Самурая, и которой когда-нибудь предназначено совершить убийство: великое и священное? Может быть, то, что я испытываю и чувствую — это шизофрения? До какой степени расщеплен Аллах, насколько я сам чужд самому себе? Если это мои проекции — то что же я чувствовал тогда, во время встречи с Незнакомцем?

А если — мученик говорил правду, и намерения Аллаха были самыми откровенными, но это именно я, Адриан, был слишком слаб, чтобы испить эту чашу, и мне было легче попросту убить?

— А если…

Нет, нет ничего однозначного. Не здесь.

Тем не менее, несмотря ни на что — я человек. Хоть я и чувствую последние байты информации, поступающие в мою память, словно фрагменты какой-то многомерной головоломки, ментального паззла. Хотя я и чувствую Иррехааре. Несмотря на Аллаха. Несмотря на кровь. Я обязан сказать себе это, ведь истинная жизнь это ничто иное, как еще одна игра в том неизвестном мне и непознаваемом мета-Иррехааре, эстренеида, которую я никогда не испробую; я должен сказать это себе: я — человек.

Меня зовут Адриан.

Я открываю глаза.

— Эй, Адриан.

август-ноябрь 1993 г.

В тексте я использовал — нагло переиначив и порезав — фрагменты стихотворения Болеслава Лешьмяна «Изменения», романа Умберто Эко «Имя розы», а также массу других идей, мотивов, сцен, замыслов и схем — из произведений, названий которых, не редко, я и сам уже не помню.

notes

Примечания

1

В древнегреческой мифологии Гадес – это подземное царство бога Аида – не совсем христианский Ад, но тоже неприятное местечко (Прим.перевод.).

2

Электрокардиограмма.

3

От «Hard Array Logic» — аппаратно реализованная матричная логика.

4

Табернакулум – ковчег для святых даров.